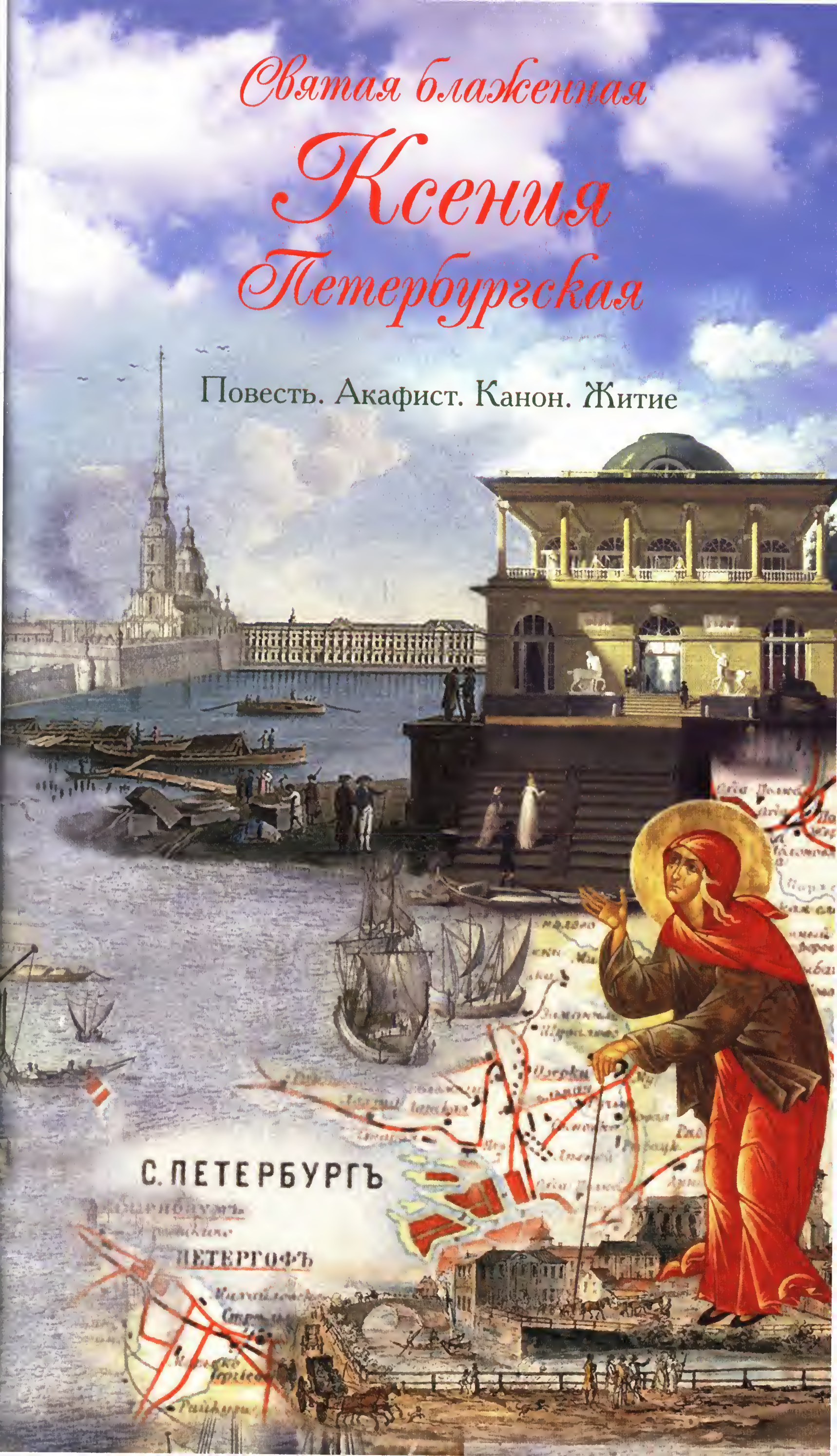
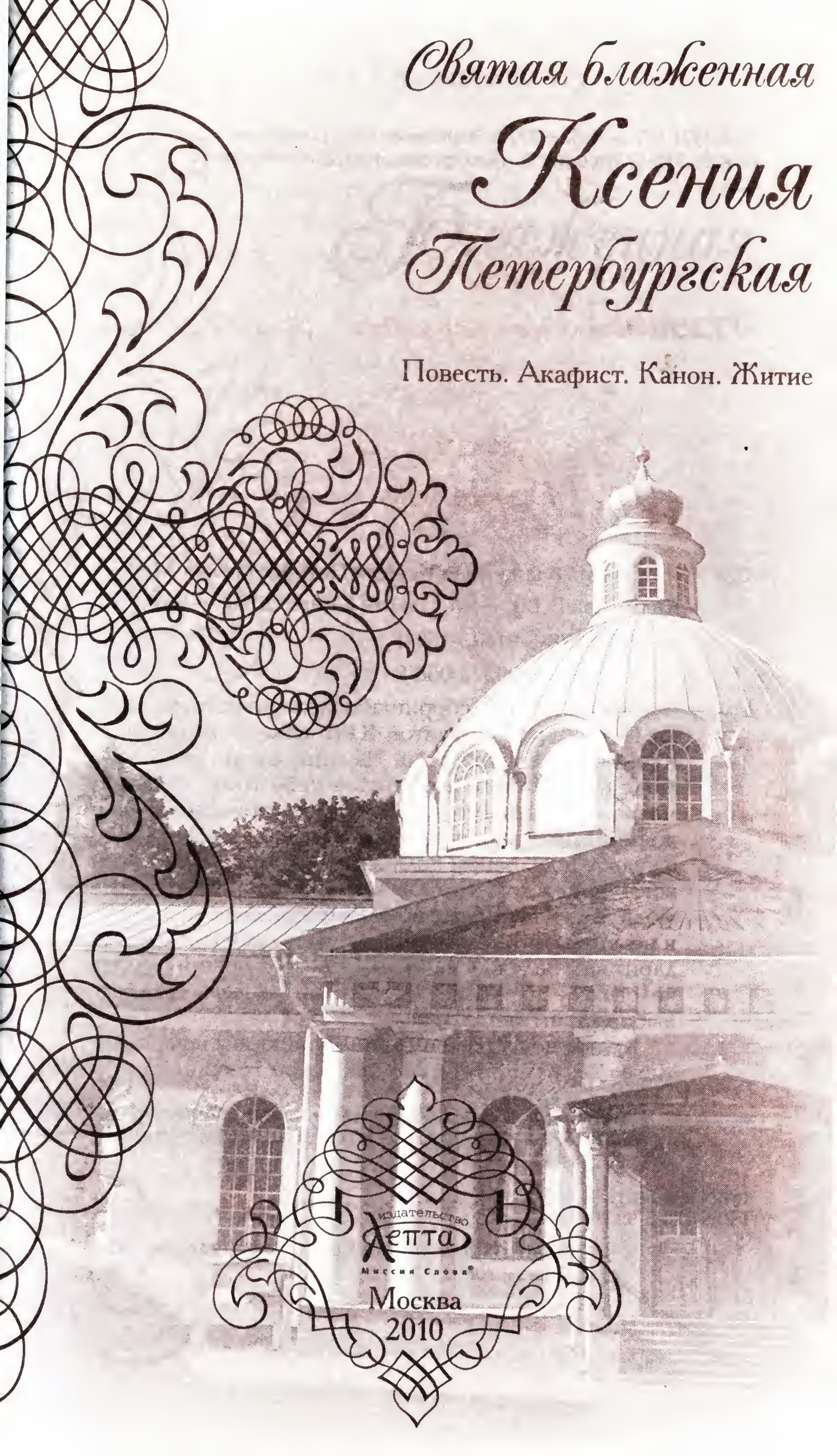

Святая блаженная
Ксения
Петербургская
Повесть. Акафист. Канон. Житие
С.ПЕТЕРБУРГЪ
ПЕТЕРГОФЪ

Святая блаженная Ксения Петербургская

Повесть. Акафист. Канон. Житие

издательство
Лепта
Миссия Слова®

Москва
2010

УДК [821.161.1-312.2 + 271.2-36]Ксения Петербургская
ББК 86.372-574Ксения Петербургская + 84(2Рос = Рус)6-44
С25

С25 Святая блаженная Ксения Петербургская / [сост.: Калинина Г. В.]. — М. : Лепта Книга, 2010. — 96 с. : ил.

ISBN 978-5-91173-157-1

ISBN 978-5-9937-0058-8

В основу этого сборника положена история жизни Петербургской святой XVIII века — Блаженной Ксении Петербуржской. Именно жизнь святых — людей, сумевших победить в себе грех, является маяком для каждого человека. Но основе жития блаженной писательница И.Ордынская рассказывает о судьбе и духовном подвиге той, к кому уже третий век с надеждой и молитвой обращаются русские люди. Как и нам, на долю блаженной выпали горести и невзгоды, но ее мужество, вера и духовная красота дарит нам надежду на то, что замысел Божий создать человека — перкрасен, и у каждого из нас всегда есть выбор каким быть...

Кроме повести «Блаженная», в книгу вошло житие св. бл. Ксении Петербуржской и акафист.

УДК [821.161.1-312.2+271.2-36]Ксения Петербургская
ББК 86.372-574Ксения Петербургская+84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91173-157-1
ISBN 978-5-9937-0058-8

И. Ордынская

Блаженная

Повесть

Санкт-Петербург.
Осень 1756 года.

Город на сорока островах у холодного моря засыпал. Тёмные воды реки, распадавшейся в низине на вены рукавов и каналов, вливались в невидимое, затаившееся где-то рядом море. Стелющийся у земли осенний ветер летал по пустым улицам города, но не мог настигнуть людей, укрывшихся в домах. Однако люди всё же боялись ветра, потому что он мог принести самую страшную беду для города. Он мог приподнять холодные воды залива, и они, послушные его воле, презирая медлительность и немощь реки, двинулись бы, наступая на бедный, беззащитный перед морем город. Солёная вода, смешавшись с водами реки, как случалось не раз, залила бы улицы, пробралась в дома, с бездушной напористостью залила бы подвалы и, поднимаясь этаж за этажом, изгнала бы людей. Силой своей, не знающей пощады, могла бы даже совсем разрушить жилища, построенные слабыми человеческими руками.

Угроза моря и ветра, как проклятие, особенно остро нависала над приморским городом осенними

ночами. Никому не дано было знать, когда могут подняться, наползти страшные воды, когда подкрадётся коварное море, чтоб доказать: болота и низины у берега его по праву, а люди здесь только гости.

Доктор открывал дверь с трудом, ветер дул, не уставая, не размениваясь на порывы. Дверь, словно упершись в воздушную стену, после секундной паузы с усилием прошла привычный поворот. Провожавшая доктора жена больного прикрыла ладонью заметавшийся огонёк свечи, поднесла её вплотную к двери, чем спасла огонь от ветра. Женщина и сама прильнула к двери поближе, защищая слабый, крохотный свет, лицо её оказалось ярко освещённым — измученное бессонницей нескольких дней, неестественно тёмное, с правильными, строгими чертами. Доктор не смог сразу заговорить, глядя в её большие глаза, светло-серые, чистые, переполненные тревогой. Пауза затягивалась.

— Плохой ветер, — сказал доктор, укутывая горло в шерстяной шарф.

Красивая женщина перевела взгляд со свечи на лицо доктора, немолодого обрусевшего немца, и заговорила неспешно, стараясь оставаться спокойной.

— Сейчас мы одни, скажите мне правду: чем ещё можно ему помочь? Он бредит, несколько дней не проходит жар, а эта сыпь... Никогда не видела такой. Мы сделали всё, что сказал доктор, приезжавший третьего дня, но Андрею Фёдоровичу не лучше...

Женщина покачнулась, огонёк в её руке рванулся вверх и потух. Одинокий масляный фонарь

плохо освещал темноту Большой офицерской улицы, на которой стоял дом полковника Андрея Фёдоровича Петрова. Слабый свет фонаря не позволял жене полковника и доктору видеть лица друг друга. Доктор начал зябнуть от холодного ветра. Он уже много ночей почти не спал, эпидемия измучила город. Покосившись на свою пролётку под фонарём, он подумал, что несколько больных уже давно ждут его, так же мечутся в жару, как бедный полковник, и неизвестно, удастся ли застать их в живых. Там тоже убитые горем родные будут спрашивать его с надрывающей душу надеждой: что же это? Как же так? Что же это за болезнь такая? Выживет ли их близкий, любимый, дорогой человек?

Хорошо, что погасла свеча, теперь отвечать жене больного было легче, не стало видно её глаз, таких огромных, чистых, какие редко встречаются у людей.

— Мы можем только надеяться. Должен пройти кризис. Как только спадёт жар, наступит улучшение, — доктор старался говорить уверенно, твёрдо, но в конце, неожиданно для себя самого вдруг прибавил мгновенно потеплевшим голосом: — Крепитесь, моя дорогая.

Внутри дома в прихожей послышались быстрые шаги, потом к двери стал приближаться огонёк масляного светильника, из темноты в его свете появилась женская фигура.

— Ксения Григорьевна, вы же совсем раздеты. Возьмите хотя бы шаль.

Доктор заспешил.

— Прощайте, мне пора, — он почти побежал к ожидавшей его пролётке, не признаваясь себе,

что невыносимо сейчас снова увидеть лицо провожавшей его женщины.

Ксения Григорьевна молчала, она не ответила ни спешившей к ней женщине, ни убегавшему от неё доктору. Она прижалась к открытой двери, выронила потухшую свечу и горько заплакала, стараясь из последних сил сдерживать рыдания, чтобы не услышали её плач в доме.

— Ксеньюшка, — подбежавшая домоправительница Прасковья Ивановна подхватила оседающую на крыльцо хозяйку, — родная, ну что ты, обойдётся, Андрей Фёдорович, даст Бог, обязательно выздоровеет, выдюжит. Он же у нас всегда здоров был, даже простуды у него не случалось. Не плачь, матушка. Не плачь...

— Не могу плакать у его постели, вдруг услышит... Ты, Прасковья, не беспокойся, я больше не буду... Я всё выдержу, пусть только выздоровеет... Душа он моя...

Женщины обнялись и медленно пошли внутрь дома, к спальне.

Большая чисто выбеленная комната была тускло освещена лампой, стоявшей на низком столике, заставленном отварами трав в чашах и разноцветными пузырьками с лекарствами. В углу мерцала лампадка у икон, располагавшихся на двух полках у самого потолка.

На широкой деревянной кровати, на огромной пуховой подушке, укрытый голубым стеганым одеялом, лежал хозяин дома — полковник Андрей Фёдорович Петров. Крепкое тело, до этого никогда не болевшего молодого мужчины, шутя переносившего любые ненастья и усталость, сейчас

сотрясал озноб. Через потрескавшиеся, сухие, изуродованные лихорадкой губы с хрипом и свистом прорывался вдыхаемый и выдыхаемый воздух. Иногда какая-то внутренняя боль сводила судорогами тело больного, бред-видения заставляли произносить слова, кричать и даже петь. Вот и в тот момент, когда Ксения Григорьевна вошла в спальню, больной вдруг сбросил одеяло, впился ногтями в простыню и с такой страстью потянул, поцарапал её, что на полотне остались полоски-следы.

Ксения Григорьевна метнулась к кровати, упала перед ней на колени, но больной уже успокоился, рука его мгновенно обмякла и отпустила простыню, жена прильнула губами к горячим пальцам, поправила одеяло. Потом она быстро и решительно поднялась на ноги, оперлась о резную спинку кровати.

— Ты иди, Прасковья, поспи. И не перечь мне, я сама с ним посижу. И ты иди, Маша, — обратилась она к кухарке, толстой тётушке, дремавшей у окна на стуле, — поспите. Если нужно будет, сразу позову, а сейчас уходите.

— Матушка, да как же мы оставим тебя одну, — Прасковья Ивановна попыталась уговорить хозяйку, — позволь нам хоть за дверью побыть.

— Нет, идите спать. Мне нужно остаться с ним, нет у меня сил говорить с тобой, Прасковья. Оставьте меня...

Испуганные Прасковья Ивановна и Маша не посмели больше спорить с хозяйкой.

Когда дверь за ними закрылась, Ксения Григорьевна села на стул рядом с постелью мужа. Взяла со столика чашку с отваром, маленькой

ложечкой смочила им губы больного. Он жадно слизнул тёмные капли. Ксения Григорьевна осторожно, очень медленно напоила его из ложечки, боясь, чтобы он в забытьи не поперхнулся.

Постепенно Андрей Фёдорович немного успокоился. Свистящее дыхание стало тише, пылающий румянец щёк, алевших жаром, начал переходить в желтизну, на лбу у кромки волос выступили капли пота, наступило глубокое забытьё, беззвучное, без движений.

Ксения Григорьевна затаилась, боясь нарушить тишину, что наступила в комнате; только ветер на улице бросал что-то в стёкла окон — листья или капли дождя. Духота несколько дней не проветриваемой, сильно натопленной комнаты с острыми запахами лекарств, трав, немытого человеческого тела была почти невыносима, могла довести до дурноты, до полудрёмы. Переборов мгновенную слабость, Ксения Григорьевна тихонько поднялась, неслышно подошла к печке, потрогала горячие плитки изразцов. Она посмотрела на мужа. Отсюда, из угла комнаты, лицо Андрея Фёдоровича показалось ей совсем жёлтым, восковым, как церковная свеча. К тому же страшная судорога вдруг исказила все его черты, свистящее дыхание вновь стало громким и прерывистым.

Ксения Григорьевна, посматривая на мужа, тихонько пошла к иконам. Она долго и пристально всматривалась в образа, потом медленно, безвольно осела перед ними на колени, склонившись в глубоком поклоне. Бросила быстрый взгляд на мужа и, перекрестившись, снова всмотрелась в лики Спасителя, Богородицы, Николая Чудотворца.

— Господи, если Тебе кто-то из нас нужен, возьми меня. Пресвятая Богородица, как награду я приняла любовь к Андрею Фёдоровичу. Когда уже не оставалось надежды мне, сироте, он дал мне всё — дом, любовь.... И он стал для меня всем, каждый день я благодарила Тебя... Мы с ним венчаны воедино! Что, половина он моя?! Нет, Господи, он и есть вся я. Если он умирает, матушка Богородица, с ним умираю и я сама... Даруй, даруй нам жизнь! Он попросил бы сам, Ты знаешь, как крепка его вера, как искренни молитвы. Господи, помилуй, помилуй нас, грешных. — Ксения склонилась к самому полу, прижавшись лбом к холодным доскам, полежала, недвижимая, несколько минут и вновь встала на колени, пристально всмотревшись в иконы, словно изображения хранили тайный смысл, которого она не понимала. — Ты ведаешь, Господи, — голос её зазвучал спокойно, как в задушевном разговоре, — он так чист, как большой ребёнок. Не встречала я добрее человека, чем мой Андрей Фёдорович. Ты ведь знаешь, да? Сколько помогает он людям, как он умеет разделить горе каждого, как щедр с бедными. Он не ведает, что такое худое слово... Я чувствую, Ты хочешь забрать его у меня. Так он и так Твой, весь Твой. Погоди, Господи, позволь ему пожить ещё со мной. Или забери и меня. Господи, спаси его, молю Тебя, Ты всё можешь. Даруй чудо, исцели моего мужа! Возьми меня, меня! — Ксения испугалась, что криком помешала больному. Она прислушалась, но не услышала больше его хриплого дыхания.

Ксения, не подумав, что нужно подняться на ноги, на коленях подползла к кровати. Исступ-

лённая молитва запоздала — Андрей Фёдорович больше не дышал, успокоилось его сильное, красивое тело, стёрлось с лица страдание — отпечаток болезни. Умиротворение и покой проявились в каждой морщинке и складочке. Ксения не мыслью, а каким-то неведомым ей доселе чувством поняла, что нужно закрыть покойному глаза, которые оказались широко открытыми. Она их закрыла, ничего при этом не ощутив, только его ресницы, нежные, слегка щекочущие пальцы, заставили её содрогнуться. Что-то, наверное, они напомнили, и дрожь, мелкая, до зубовного скрежета, прошла по её телу.

Трудно было остановить эту нервную дрожь. Ксения легла на ноги мужа, покрытые сшитым ею для приданого ярким голубым одеялом, и притихла, ожидая: что-то должно случиться и с ней самой... Когда она почувствовала сквозь ткань одеяла, что тепла живого человеческого тела под ней больше нет, а вместо него всё ощутимее проступает холод, слёзы полились из глаз. Нет, она не билась в рыданиях, слёзы сами по себе медленно стекали по щекам; плакало тело, а рассудок больше не ощущал свалившееся горе.

Посветлели окна в спальне. Ксения этого не заметила, как не обратила внимания на Прасковью, тихо вошедшую в спальню и громко запричитавшую. Ксения не услышала её крика — испуга, ужаса, сочувствия и кто знает чего ещё. Прибежали кухарка Маша, истопник и дворник Илья. Ей что-то говорили, гладили её, пытались поднять. Лицо плачущей Прасковьи приблизилось к ней вплотную.

— Матушка, Ксения Григорьевна, что ж ты делаешь с собой? Почернела лицом, и седина... Ксенюшка, скажи что-нибудь, не молчи... Илья, беги за Фёдор Фёдорычем, скажи, что брат его помер.

Прасковья с Машей сами не смогли расцепить рук Ксении Григорьевны, обнимавших тело мужа. Её руки будто окоченели вместе с остывшим телом. Покойника нужно было обмыть и переодеть, но Ксению Григорьевну, не сказавшую никому не слова, не могли вывести из оцепенения.

В доме уже суетились какие-то люди. Во всю готовились похороны. Все сокрушались, что умер Андрей Фёдорович без исповеди и последнего причастия. Брат покойного пытался уговорить Ксению Григорьевну, обещал поддержку всяческую. Наконец позвали священника, и только по его уговорам Ксения Григорьевна позволила увести себя из спальни.

Целый день в доме спешно готовились к похоронам, к вечеру в большой зале поставили гроб с телом хозяина. Покойный, красивый и молодой, казался живым, скоротечная болезнь не успела его изменить. Приглашённые из церкви дьяк и его помощник читали нараспев по очереди молитвы и должны были читать их всю наступающую ночь. Для поминок купили продукты. Три соседские кухарки, присланные в помощь, всю ночь собирались жарить, парить и печь — готовить поминальный стол.

В небольшой столовой, рядом с кухней, кухарка Маша накрыла ужин. Прасковья Ивановна, у которой с утра маковой росинки во рту не было,

присела ненадолго перекусить. В столовую, придержав дверь, чтоб не грохнула, быстро вошёл Фёдор Фёдорович, вернувшийся с кладбища, где договаривался о могиле. Озябший, потёр замёрзшие пальцы, снял кафтан и бросил его в угол на лавку.

Прасковья Ивановна засуетилась.

— Фёдор Фёдорович, присядьте к столу. Вы ж с утра не ели. Пирожков поешьте или курочки. Кипяточку с малиновым вареньем. Не дай Бог, застудитесь.

Фёдор Фёдорович сел к столу, молча, не торопясь, начал есть всё, что подкладывала ему в миску Прасковья. Неспешно пережёвывая пирожок и запивая его из чашки горячим малиновым напитком, он спросил:

— Что Ксения Григорьевна? Выходила?

— Нет, — Прасковья всхлипнула, — лежит, сердечная, не говорит ни с кем, не спит. Как окаменела. Что теперь с нею будет?

— Да уж не дадим ей пропасть, — недоеденный пирожок лёг на стол, — дом этот её по праву, на приданое купил его брат. Полагается ей пансион как вдове придворного певчего. Сам регент хора, иеромонах Лаврентий, мне сегодня обещал. Регент сказал, что сама царица-матушка опечалилась. Андрей одним из лучших певчих в её хоре был, за то ведь и получил звание полковника. С самой царицей брат певал не раз, награды получал, подарки и деньги, — с гордостью прибавил Фёдор Фёдорович.

Прасковья Ивановна вздохнула.

— Не о доме я и не о пансионе. Как жить она теперь будет? Детей ей Бог не дал, совсем одна

осталась. Сама-то я уже немолода, — она поправила под платком седеющие волосы, — и замужем никогда не была, но много семей перевидала. Только такой пары, как братец ваш с Ксенией Григорьевной, видеть не приходилось. Одно слово, душа в душу жили. Такого человека, как ваш брат, никогда не встречала. Не помню, чтоб голос повысил, всегда приветлив, ко всем добр, а Ксения, она же, ну право, ангел. Я, пока к ним не попала, думала, не бывает такой любви на свете... Казалось, один подумает, а другой уж знает мысли его. Так много любви в них было, что на людей вокруг её хватало. Всем рядом с ними было тепло.

Прасковья, не таясь, заплакала.

— Ничего, ничего, — Фёдор Фёдорович вновь взял недоеденный пирожок, доел его и долго выбирал на блюде кусок пирога с капустой, побольше и поподжаристей. — Мы не дадим ей пропасть. Она и вправду женщина особенная, душевная. Не дадим её в обиду. А брат мой, ты права Прасковья, хороший был человек. Такой с детства — незлобивый и жалостливый. Я на десять лет его старше, помню, как все его любили, и семья, и чужие люди, а уж какой голос дал ему Господь. Бывало, в церкви рыдали люди, когда он пел, прямо душу вынимал... Злой человек так бы петь не мог... И я его любил... — Фёдор Фёдорович вдруг неожиданно полностью изменился, куда-то пропала из его взгляда гордость, опустились плечи, стареющее лицо сразу увиделось по-настоящему старым, он зарыдал в ладони, даже не выпустив из рук недоеденный пирог, — горе-то, горе какое...

Прасковья Ивановна растерялась, засуетилась, подбежала к нему, но Фёдор Фёдорович уже взял себя в руки.

— Стой, погоди, — он остановил Прасковью, не дав прикоснуться к себе, отвёл её протянутые руки, — погоди, Прасковья Ивановна... Призвал его Господь, значит, такая у него судьба. Что плакать и убиваться, нужно жить. Все под Богом ходим, неизвестно, сколько нам отмерено.

— Да, Фёдор Фёдорович, правда. Все мы здесь гости, — Прасковья вновь вернулась на своё место. — Теперь похоронить его нужно достойно да вдову утешить.

Дверь из кухни приоткрылась, в щели появилась голова дворника Ильи.

— Фёд... Фёдорович, подвода пришла, для поминок посуда разная...

— Я сейчас, — Фёдор Фёдорович быстро оделся и ушёл вслед за дворником.

Утром следующего дня в доме начал собираться народ: родственники, соседи, просто знакомые и даже малознакомые люди, певчие придворного хора во главе с регентом иеромонахом Лаврентием. Все подходили к гробу, начиналось прощание с покойным. У гроба стоял брат усопшего Фёдор Фёдорович с женой и старшими детьми, каждый выражал ему своё соболезнование, про себя удивляясь, что у гроба нет вдовы. Людей набился полон дом, пришло время выносить покойного, священник в церкви Святого апостола Матфея уже заждался — всё было готово к отпеванию.

Однако Ксения Григорьевна не выходила из своей комнаты. Она заперлась на ключ и каждый

раз на стук в дверь отвечала, что скоро выйдет. Нервничал Фёдор Фёдорович. После отпевания похоронная процессия должна была идти на Васильевский остров, где на Смоленском кладбище уже приготовили могилу. Кладбище хоть и было новое, без церкви, зато через недавно построенный мост через Малую Неву ближайшее от дома покойного Андрея Фёдоровича. Когда собравшиеся на похороны люди стали перешёптываться, подозревая Бог знает что, на пороге гостиной появилась вдова полковника.

В мгновение наступила полная тишина. Люди не могли поверить своим глазам, в удивлении, не стесняясь, рассматривали одежду Ксении Григорьевны. И было чему удивляться.

Ксения Григорьевна была в одежде покойного мужа. Невысокая, стройная вдова надела костюм, в который могла бы завернуться с головой. Рубаха, камзол, кафтан, штаны — она не забыла ничего, даже картуз надела на голову, спрятав в него косы. Ксения Григорьевна твёрдой, решительной походкой прошла в залу и стала у гроба, взявшись за его краешек рукой. Все молчали, кое-кто хотел было подойти к ней с соболезнованиями, но, остановленный её абсолютно сухим, строгим взглядом, отступил.

Покойного вынесли из дома, заплакали какие-то люди, рыдали Прасковья с Машей, только Ксения Григорьевна спокойно и безучастно вышла на улицу и пошла вслед за гробом, который поставили на телегу. Прохожие останавливались, с любопытством разглядывая, конечно, не похороны, которых в эпидемию было множество, а странно одетую в мужскую одежду молодую женщину.

В церкви священник, знавший давно Ксению Григорьевну, ничего не сказал, поглядев на её необычный наряд, только на глазах у него выступили слёзы.

Церковный хор запел печально и грустно, горе растворилось в молитвах, в запахе ладана, навсегда прощался человек с землёй, прощались с уходившим люди. Ни молодость, ни любовь не удержали человека на земле; плакали все, свои и чужие, обливая слезами горькое слово «смерть».

Только Ксения Григорьевна не плакала, не причитала, она даже чуть улыбалась, когда голоса певчих, отпевавших своего собрата, особенно вдохновенно взлетали под купол храма. Это была последняя музыка, которую они могли подарить одному из лучших певцов столичного города.

Ветер наконец утих. Город прятался за плотным туманом, сырым, покрывавшим лица людей росой. Дорога к кладбищу оказалась долгой. Дома от реки отступали вглубь островов — Городового и Васильевского, связанных новым мостом. Гавань у моста выдавала себя торчащими из тумана мачтами кораблей. Вода Малой Невы притекала издалека, из упавшего на реку облака, и, проскользнув под мостом, вновь исчезала в облаке.

Люди в похоронной процессии молчали, думая каждый о своём, не разглядывали больше Ксению Григорьевну. Она шла рядом с телегой, погружённая в свои мысли, и казалось, уже совсем не замечала окружающего мира.

Телега скрипела и подпрыгивала то на булыжниках мостовой, то на брусчатке. Ближе к кладбищу, на немощёной улице, она два раза застревала

в грязи, её вытаскивали, боясь, чтобы не пришлось гроб дальше нести на руках, как здесь уже не раз случалось на других похоронах.

В доме покойного полковника Петрова давно был готов поминальный обед. Окоченели от холода могильщики, которым хотелось побыстрее получить деньги и разойтись по домам. Поэтому затягивать прощание у могилы не стали, подвели Ксению Григорьевну к гробу, она не спеша, внимательно всмотрелась в последний раз в лицо Андрея Фёдоровича, поцеловала его в лоб и тут же отошла в сторону. Гроб быстро заколотили и уже через несколько минут на холмике могилы поставили временный деревянный крест.

Ксения Григорьевна посмотрела на крест и, обведя взглядом лица людей, спокойно и печально сказала:

— Вот и всё, похоронила я мою Ксеньюшку. Теперь Андрей Фёдорович совсем один остался...

Люди в испуге отступили от вдовы, и только Прасковья плача подошла к хозяйке, а та продолжала:

— Молитесь о душе усопшей рыбы Божией Ксении. Прасковья, — Ксения взяла за руку домоправительницу, — закажи заупокойную службу по новопреставленной Ксении.

Прасковья залилась слезами, а Ксения Григорьевна стала подходить к каждому человеку, стоявшему у могилы.

— Молитесь, люди добрые, за упокой души рабы Божией Ксении, — потом, на несколько секунд задумавшись, она вдруг сказала с умилением: — Вы думаете, Андрей Фёдорович умер? Нет, это умер-

ла Ксения Григорьевна. Андрей Фёдорович жив и будет теперь долго жить. Он будет жить вечно!

Прасковья плача обняла Ксению Григорьевну.

— Ксеньюшка, матушка...

Но Ксения, вырвавшись из объятий, перебила её с обидой.

— Прасковья Ивановна, зачем ты беспокоишь имя покойницы. Умерла Ксения, нет её больше! Андрей Фёдорович жив! Здесь он, перед вами, — она положила себе руку на грудь и поклонилась. — Ты поплачь, Прасковья, поплачь. Жалко Андрея Фёдоровича, осиротел он, один остался на свете, бедный он, бедный...

На поминках Ксения Григорьевна не села со всеми за стол, а закрылась в своей комнате.

Поминающие много пили и хорошо закусывали, особенно пошли горяченькие поминальные блины. Вначале за столом было тихо, но потом разговор как-то разгорелся сам собой, становясь всё громче. И если вначале говорили всё больше о покойном, к концу трапезы уже вспоминали о делах семейных и о службе. Кто-то с кем-то познакомился, кто-то кого-то давно не видел. Плакал один сильно перепивший молодой певчий, его утешали, а он рыдал и говорил, что молодого полковника ему жаль и его жену, и его брата тоже, и жалко себя самого, и весь христианский мир. Его утешали и подливали ему ещё, уговаривая получше закусывать. Кухарки едва успевали подносить башни горячих масляных блинов, такой у поминающих был хороший аппетит после долгих похорон.

Прасковья Ивановна к концу обеда совсем утомилась, забегалась, да и шутка ли, чтоб каждый

был доволен, никто не обижен, чтоб всем хватило закусок. Хорошо ещё, что Фёдор Фёдорович помогал ей, руководил застольем. Поминки закончились поздно вечером, последним отправили домой на извозчике уснувшего прямо за столом молодого певчего.

К следующему утру дом полностью убрали, ничего в нём, кроме завешенного чёрной тканью зеркала, не напоминало о случившемся горе. Ксения Григорьевна вышла из своей комнаты по-прежнему в одежде мужа, чем очень расстроила Прасковью Ивановну, которая надеялась, что хозяйка к утру придёт в себя и переоденется в женское платье.

— Прасковья, пойди к стряпчему, — попросила Ксения домоправительницу, — пусть приготовит дарственную. Дом я тебе подарю. Тебе жить негде, теперь это будет твой дом. Вещи раздам бедным, а деньги в церковь отнесу — пусть поминают рабу Божию Ксению.

— Что ты, матушка? Мне — дом? А сама-то где жить будешь? Это твой дом, не нужно никому дарить его, — испугалась Прасковья.

— Андрею Фёдоровичу теперь ничего не нужно. Бери дом, Прасковья. Живи здесь, только пообещай мне странников пускать бесплатно...

Собрав все деньги и дорогие вещи — золотую табакерку, серебряные подсвечники, стопки и ложки, украшенные эмалью, — Ксения Григорьевна поспешила в церковь. Как только она ушла из дома, Прасковья побежала к Фёдору Фёдоровичу.

Настоятель храма Святого апостола Матфея отец Лука, увидев Ксению, входившую в церков-

ную ограду, поспешил к ней навстречу. С жалостью и сочувствием благословил её, даже погладил по голове.

— Крепись, сестрица. Не нужно впадать в уныние, грех это. Теперь Андрей Фёдорович у Отца нашего небесного. Что ты так убиваешься? Терпи, моя хорошая. Нужно жить. Ты молода ещё.

— Возьмите, батюшка, это для церкви, — Ксения положила ему в руки завёрнутые в платок монеты и вещи.

Развернув платок, священник опешил.

— Сестрица, ты вдова теперь, зачем отдаёшь так много? На что сама-то будешь жить? Оставь себе хотя бы половину.

— Нет, батюшка, мне больше ничего не нужно. Андрей Фёдорович ни в чём сейчас не нуждается. Зачем ему деньги? Ты сам говоришь, Отец небесный даст ему всё, в чём будет нужда. А о душе Ксеньюшки молиться надо. Эти деньги на помин души новопреставленной Ксении, чтоб хорошо её поминали.

— Матушка, — у священника сами собой опустились руки, и он чуть не уронил дорогие подарки, — да как же я возьму всё это, как поминать живую душу?

— Да разве ж есть другие души? У живого Бога все мы живы: «...пойди, продай имение твоё и раздай нищим» — не так ли говорил Христос богатому юноше, желавшему спасти свою душу? Почему же, батюшка, ты не хочешь взять у меня эту безделицу? Я теперь точно знаю, что деньги, вещи дорогие мало значат для человеческой души. Поверьте Андрею Фёдоровичу, ничего они не сто-

ят у Отца небесного. Поминайте Ксеньюшку, поминайте... — Ксения поклонилась, перекрестилась на купол храма и быстро ушла, оставив священника в полном смятении.

Целыми днями ходила Ксения по Петербургской стороне, раздавая одежду свою и покойного мужа, а ещё бельё, полотенца, посуду, оставив Прасковье только самое необходимое. Бедные дома ей искать не приходилось, и раньше она часто бывала в них, помогая нуждавшимся. Везде её радушно встречали, сочувствовали, жалели. Часто даже сразу отказывались брать у неё подарки, помня о её горе; многие думали, что от горя молодая вдова сошла с ума, но она говорила со всеми здраво и спокойно, и вещи у неё всё же брали. Через несколько дней в доме Ксении Григорьевны не осталось ничего ценного.

Хмурый, озабоченный Фёдор Фёдорович, с которым уже не раз успела поговорить Прасковья, постучал в дверь комнаты Ксении Григорьевны и решительно переступил порог.

— Здравствуй, сестра.

— Здравствуй, Фёдор Фёдорович, — Ксения медленно подняла глаза на вошедшего.

— Правду ли говорит Прасковья, что ты собралась ей дом подарить?

— Правду.

— Да как же так, сестра? Где ж ты сама жить будешь?

— Андрею Фёдоровичу теперь не нужен этот дом. Зачем он ему? Теперь пусто тут и холодно. Раньше здесь часто пели, и не было печали, а теперь

всегда будет тишина и горе. Как умерла Ксеньюшка, Андрей Фёдорович в этом старом доме не нуждается, у него новое жилище. Сейчас весь мир его.

— Но... почему же Прасковье хочешь дарить дом? Чужому человеку? — пожал плечами Фёдор Фёдорович.

— Прасковья мне не чужая. Идти ей некуда. Сирота она в мире, как была Ксеньюшка.

— Ну ладно, дом хочешь отдать Прасковье, жить в нём не можешь, но вещи зачем раздаёшь? Знаю, любила ты брата, но жить-то надо дальше. Хочешь, квартиру тебе наймём? Или с нами живи. У меня дом большой, всем места хватит, и жена моя, и дети любят тебя.

— Благодарю тебя, братец, — Ксения улыбнулась, — за доброту. Только, прости, не приму я твою помощь. Не может Андрей Фёдорович жить, как все люди. Вечная жизнь — не земная. Ничего ему больше не нужно земного, будет он странствовать. Не беспокойся, Богу он теперь принадлежит. Бог как отец и позаботится о нём.

— Ксения Григорьевна, — у Фёдора Фёдоровича от волнения дрогнул голос, — пожалей ты меня, грешного. Не позорь меня, Христа ради! Как людям в глаза смотреть буду, если отпущу тебя на улицу нищенствовать? Как на том свете отвечу брату — почему не уберёг его любимую жену? Не позорь меня, сестра!

— Фёдор Фёдорович, — Ксения с нежностью и любовью погладила деверя по плечу, — не печалься, всё уже решилось. Не в твоей власти изменить то, что будет, и не в моей. Хочешь мне

помочь, так помолись об усопшей рабе Божией Ксении. Это всё, что можно сделать для неё.

— Господи, — Фёдор Фёдорович схватился за голову, — что ты делаешь со мной, сестричка? Как грех такой оправдаю? Ксеньюшка, ты ведь не простого рода, грамоте с детства обучена, наукам разным, знаешь языки и рукоделия. Как же ты хочешь бросить привычный для тебя мир? Ты же погибнешь на улице! А вина будет на мне...

— О мирском ты думаешь, братец, — вздохнула Ксения, — о том, что давно минуло. Андрей Фёдорович со своей Ксеньюшкой были соединены венчанием воедино. Что соединил Господь на небе, то не должны разъединять люди — не так ли в Евангелии сказано? Никто не может разорвать между нами связь, «...оставит человек отца своего и мать. И прилепится к жене своей, и будут два одной плотью...». Мы с ним одна плоть, Фёдор, одна плоть... Это ты думаешь, что Андрей Фёдорович одинок, не понимаешь ты и не веришь, что не может он быть один. Потому что есть для него жизнь вечная.

— Ксения Григорьевна, прошу тебя, сейчас пообещай мне — не дарить дом, пока сорок дней не пройдёт... И ещё, регент хора иеромонах Лаврентий хотел поговорить с тобой, сходи к нему в келью, послушай, что он тебе скажет, — попросил Фёдор Фёдорович.

На следующее утро, впервые после многих дней туманов, небо над северным приморским городом посветлело, изредка даже проглядывало между облаками солнце. Солнечный свет веселил узкие гряз-

ные улочки бедных окраин, а роскошные проспекты центра города стали казаться прекрасными, сказочными. Поблескивала умиротворённая, неторопливая Нева, в её чистой воде отражались строгие дворцы, мрамор набережных, дуги мостов. Вода каналами и мелкими речками оплетала сорок островов, и непонятно было — улицы и парки опустились к воде или, наоборот, каналы и реки проникли в тело города.

У Невы гуляли люди, любуясь пригожим деньком и красотой столицы. На улицах было шумно, в тумане люди привыкали говорить шёпотом, а яркий весёлый свет оживил горожан. Особенно громко смеялись и кричали неугомонные дети, да и взрослые не могли отказать себе в удовольствии подыграть повеселевшей природе.

Ксения шла не спеша в Невский монастырь к регенту придворного хора. Вокруг неё шумели улицы. Горожане устали прятаться в домах, ветер отступил, больше не угрожало наводнение, эпидемия сходила на убыль — люди улыбались друг другу, даже незнакомые.

Город казался добрым и весёлым, Ксения с улыбкой рассматривала его. Когда она устала, то присела под деревом на набережной у моста. У неё стало так спокойно на душе, как раньше бывало, может, только во сне. Гул голосов, тихо убегающие мимо воды реки, увядающая осенняя трава под рукой, небо, где сквозь редкие тучи выглядывало неяркое предзимнее солнц, — всё растворилось в её душе, и она впервые почувствовала, что живёт теперь в городе, во всём этом городе и больше никогда не сможет спрятаться от него за каменными

стенами домов. Мир словно вывернулся наизнанку, и настоящим местом обитания её были теперь эти улицы, обставленные и украшенные домами, деревьями, рекой, а человеческие жилища казались невыносимо пугающими, способными похоронить человека в себе, в своих стенах, не пропускающих жизнь.

Подумалось Ксении, что наконец-то Андрей Фёдорович отпущен на свободу, ни обязанности, ни вещи, ни стыд или страх — ничто не удерживает его больше. Осталась только любовь, только чистая любовь. Ксения окончательно решила: последнее, что необходимо сделать, — избавиться от дома, отдать его Прасковье. И всё, новопреставленная Ксения окончательно уйдёт, исчезнет, останется только Андрей Фёдорович.

Длинная, узкая келья иеромонаха Лаврентия, с продолговатым нешироким окном, плохо её освещавшим, была зачем-то чересчур наполнена вещами. Книги и ноты на полках, свечи в коробках, несколько лампад на сундуке, рядом горкой посуда, чётки, полотенца, одежда и прочее, прочее. Вещи делали комнату земной, уютной. Сам монах Лаврентий мало отвечал представлениям людей о регентах: был он маленьким, толстеньким, очень шустрым человечком.

— Ксения Григорьевна, садитесь вот сюда, поближе к печке. Водички хотите? Пряничек у меня есть, угощайтесь! — засуетился он вокруг вошедшей в келью вдовы, усаживая её на лавку и улыбаясь ей как старой знакомой; на самом же деле видел её до этого момента, кроме похорон, только однажды.

— Не беспокойтесь, батюшка, мне удобно и не нужно ничего, — отказалась от воды и от пряника Ксения.

— Пансион вам назначен, Ксения Григорьевна, — монах Лаврентий сел на табурет у стола и принялся рыться в горе беспорядочно набросанных листков, тетрадей, книг. Наконец он нашёл то, что искал. — Вот, извольте посмотреть, — он протянул Ксении бумагу, — вам назначен пожизненный пансион как вдове придворного певчего. Обещаю вам, матушка, также мою всяческую поддержку. Очень мы дорожили вашим мужем, прекрасный был человек, — на глазах регента выступили искренние слёзы. — Мы с вами вместе оплакиваем его.

— За хлопоты благодарю покорно, только не приму я деньги.

— Как не примете? — регент опустил бумагу, устав держать её на весу, в протянутой руке. — Пансион ваш по праву. Нет причин отказываться от него. Вам жить на что-то нужно. Берите, берите, — он снова протянул документ.

— Пойду я, пожалуй, — Ксения встала с лавки и направилась к двери, — благодарю вас за хлопоты, за доброту. Прощайте.

— Погодите, Ксения Григорьевна, постойте, — регент быстро встал и преградил гостье дорогу, став у двери. — Берите деньги! И не спорьте со мной! Сейчас от денег откажетесь, потом сто раз пожалеете. Берите, раз вам положено!

— Нет-нет, никогда мне в них нужды не будет. Какую жизнь на них, думаете, могу я себе купить? Думаете, можно будет когда-нибудь хоть малость жизни на них выторговать для Ксении? Другими

монетами идёт расчёт теперь у Андрея Фёдоровича. Уже роздано и то, что было, осталось только дом Прасковье подарить. Ничего не нужно Андрею Фёдоровичу, ничего; осталась одежда, — Ксения погладила на себе одежду мужа, — что тело прикрывает, остальное — лишнее.

— Здоровы ли вы, Ксения Григорьевна, — голос монаха зазвучал ласково и участливо. — Женщинам мужскую одежду носить не пристало. Нехорошо. Вы уж переоденьтесь, матушка... Послушайте меня, конечно, душа человеческая не нуждается в пище и доме, это понятно, но тело питать надо. Божьи угодники и те все люди были, пили, ели и в отдыхе нуждались. Ну, а мы-то грешные... Впасть в гордыню — искать для себя чрезмерные подвиги духовные. Грех на душу брать.

— Здорова я, батюшка, и на душе у меня покойно. Почему странным кажется помин души усопшего всем имением, что нажил он в человеческой жизни? Неужто душа меньше тела? Почему особенным считается, если ценит человек душу, а от вещей и денег отказывается? Вы, батюшка, приняли постриг, из любви к Богу оставили многое. Ведь не за подвиг же вы жизнь свою почитаете?

— Нет, конечно, — поспешно согласился регент, — какой там подвиг, пусть простит мне Бог мои грехи тяжкие, — он перекрестился. — Только что ж вы вещи свои раздаёте? Фёдор Фёдорович, брат вашего мужа, волнуется, приходил ко мне вчера. Зачем жертвовать всё имущество и без копейки оставаться? Нужно и о себе позаботиться.

— Я, батюшка, ничем не жертвую. Жертвовать — от души отрывать, считать отдаваемое

потерей. Я же раздаю ненужное и радуюсь, что помогаю кому-то. Бедный человек повеселится моему подарку, его радость — прибыль для меня, а не потеря. Какие вещи могут быть важнее света в душе через милостыню?

— Правда ваша — нет вещей важнее души, — со вздохом согласился монах. — Только и свою жизнь губить нам, христианам, не должно. Богом созданы мы для жизни.

— Андрей Фёдорович будет жить вечно, — улыбнулась Ксения.

— Он-то будет жить вечно, — регент начал терять терпение, — только и вы, Ксения Григорьевна, должны в достоинстве провести оставшиеся дни! Так что берите пансион, очень вас прошу!

— Не нужно так печалиться о Ксении, уходит человек к Господу своему, отмучился он на земле. Больше ничего страшного не может произойти с покойным, все земные испытания позади. Дальше только Господь Бог вершит посмертную судьбу новопреставленной души. Молитесь, батюшка регент, об усопшей рабе Божией Ксении. Молитесь о покойной и радуйтесь, что душа её у Создателя. — Ксения быстро проскользнула в дверь мимо монаха, оторопевшего после слова «усопшей».

Минули сорок дней, для Ксении они слились воедино, дни и ночи не отличались больше друг от друга, объединились в своём бессмыслии. Недолгий сон только отключал память, но не давал передышки, а сбивал с ног тяжёлой чёрной пустотой. В нём не было фантазий, лёгких видений — не было отдыха. Начало тёмного тоннеля и его конец — вот и всё тяжкое забытьё. Наконец время

вышло, сорок дней, поминки. Ксения с лёгким сердцем подписала дарственную. Теперь дом принадлежал Прасковье.

Ксения вышла из дома, теперь уже чужого для неё, стараясь не оглядываться на плачущую на крыльце Прасковью, причитавшую:

— Матушка, это всегда будет твой дом, возвращайся, не бросай меня...

Ксения осмотрела улицу вокруг, словно пытаясь стереть в себе особое чувство, которое каждый раз всплывает в душе при взгляде на родной дом. Чувство, может быть, нежности. Теперь она старалась раз и навсегда зачеркнуть, забыть многократно испытанную радость, что мелькала когдато при виде этих окон, этой двери. Исчезли, ушли в прошлое те удивительные слова: «Вот я и дома», — которые когда-то заставляли её любить это место больше всех других в мире. Дом переставал быть единственным, можно было уходить.

Она могла пойти вверх по улице или вниз, не осталось и выбора, было всё равно, куда идти. Срывавшийся мокрый снег и ветер кружили вокруг неё, больно, наотмашь били в лицо, слепили, но необходимость видеть, рассматривать окружающее тоже на какое-то время стала необязательной. Ксения легко согласилась бы стать незрячей.

Ксения уходила всё дальше от своего бывшего дома, с каждым шагом обрывая с ним связь, подумав, что, наверное, когда-нибудь она и вовсе не узнает его, забудет.

Большая Офицерская улица закончилась, нужно было поворачивать за угол, и тут вдруг Ксения

остановилась. Мгновенная слабость, неожиданная и необъяснимая, заставила онеметь тело. Непонятная сила перехватила дыхание, невидимое кольцо охватило и сдавило горло. Воздух прерывисто, с трудом пробивался через сведённую судорогой гортань, словно резал сомкнутые ткани, вызывая острую боль. Задыхаясь, Ксения пыталась ухватиться за мысль: почему же ей так плохо? Почему она испытывает эту боль, почему её тело отказывается дышать? Где рождается эта мука, ведь нет страдания в её мыслях, в душе. Отчего же тело пытается убить её, откуда появилось что-то неподвластное ей в ней же самой? Из глаз потекли слёзы, и тогда удушье медленно отступило, дыхание постепенно вновь стало ровным. Но борьба с вырвавшимся на свободу телом отняла у Ксении так много сил, что она совсем перестала ощущать окружающее. Кружилась от слабости голова, улица покачивалась перед глазами, и от не унимавшихся слёз, и от летящего в лицо снега дома вдоль улицы, булыжники мостовой, фонари потеряли строгость очертаний, законченность реальных предметов.

На рассвете медленно просыпался Сытный рынок, задымили печные трубы над лавками, сладко запахло дымком. Фонарщик тушил фонари, перенося лестницу от столба к столбу. Появились на рынке продавцы: лавочники, разносчики-коробейники, крестьяне, раскладывавшие свой товар прямо на телегах. Но стоило прийти на рынок первым покупателям, и в полчаса, словно прорвало дамбу, рынок наполнился людьми. Началась торговля. Призывно-высокими, звонкими голосами закри-

чали-запели, расхваливая свой товар, продавцы у прилавков. Заметались в толпе коробейники, склоняясь под тяжестью лотков, ремнями врезавшихся в их шеи.

Люди в толпе всё прибывали и прибывали, пока не слились во что-то неразделимое, единое, безликое. Человек среди моря подобных себе переставал замечать отдельных людей, опьянённый шумом, криком, суетой толкучки, наперекор здравому смыслу оставался совершенно один. Абсолютное одиночество выхватывало любого на секунду остановившегося среди толпы человека, необъяснимо опускалось на него, и он, поражённый, не понимая толком в чём тайна, всё же догадывался: это и есть настоящее отчуждение, настоящая горечь, сродни боли сиротства. Каждый в себе самом совершенно один, сколько бы ни было вокруг людей. Но вскоре рыночный поток подхватывал человека, не успевшего додумать, понять тоскливую мысль, и уносил его дальше, снова превращая в частицу суетливой толпы.

Ксения сидела на ступеньках у хлебной лавки. Хозяин лавки хоть и был недоволен, что нищенка часто побирается у его магазина, всё же не мог прогнать её. Он не объяснял себе, почему. Проходя каждое утро мимо Ксении, отводил в сторону глаза, но ничего не говорил, впрочем, милостыню тоже никогда не подавал.

Ксения рассматривала людей, проходивших мимо, они же, занятые покупками, на бездомную нищенку не обращали внимания. Жидкая липкая грязь, в которую превращался ранний снег, ещё смешанный с дождём, чавкала под сапогами, лаптя-

ми и башмаками, поднимаемая колёсами телег, разлеталась, вымазывая стены домов.

— Ксения Григорьевна, — бывшая соседка наклонилась над задумавшейся нищенкой.

— Не нужно тревожить имя покойницы, — болезненно улыбнулась в ответ Ксения.

— Прости, прости, Андрей Фёдорович, — соседка виновато опустила глаза, — прими, не откажи на помин души Ксении, — она протянула копейку.

Ксения поблагодарила за милостыню, склонив голову в поклоне. Соседка быстро ушла, а Ксения, подняв глаза, увидела старика, худобой походившего на скелет. Старик устало и печально смотрел на копейку у неё на ладони, потом повернулся и поковылял вдоль прилавков, вглядываясь в лица торговцев, совсем не обращавших на него внимания.

Ксения вскочила.

— Погоди, батюшка, погоди, — она догнала старика и сунула ему в руку монету, — возьми, поешь.

— А ты как же? — старик зажал монету в кулаке. — Сама-то ела?

— Дорога-то у тебя была долгая, и никто не подал тебе вчера... Пойди поешь.

— Да откуда ты?.. — начал было спрашивать старик, но осёкся, только поклонился в пояс и ушёл.

Ксения вернулась к хлебной лавке, но не села на ступеньки, а открыла дверь и вошла внутрь. Колокольчик на двери пискнул, хозяин из-за прилавка удивлённо посмотрел на бродяжку, решившуюся войти.

— Чего тебе, побирушка? Только вас, бродяг, здесь не хватало. Иди себе с Богом, а то покупатели тебя в лавке увидят.

— Можно я пряничек возьму?

— Да я ж тебе русским языком говорю... — начал было лавочник, но, остановив взгляд на смотрящих на него в упор чистых, светлых, детских глазах, забыл, что хотел сказать, и махнул рукой — ладно, бери.

Ксения взяла один пряник из кучи на деревянном квадратном лотке и поклонилась.

— Не жалей. Не держи сердце. Оно ведь у тебя доброе. Не бойся любить людей. У тебя не убудет. «Не оскудеет рука дающего». Поверь мне, ты богаче станешь... Не бойся, я уже ухожу...

Ксения вышла из лавки, съела пряник, разглядывая рыночную толпу. Два солдата остановились перед ней, один толкнул другого.

— Ты только погляди — пугало, баба в мужской одежде.

— Так она небось с приветом, — покрутил второй пальцем у виска, — сдвинутая. Эй, дурочка, что это ты на себя нацепила?

Ксения попыталась их обойти, но солдаты загоготали и, расставив руки, преградили ей дорогу.

— Куда, куда убегаешь? А ну стой! Не бойся нас, красавица!

— Да нет уж страха, служивые. Только кровью-то измазаны, не разберёшь — своей или чужой, а за смехом слёзы, а под рубахой рана, — показала она рукой на грудь рядом стоявшего солдата; тот инстинктивно положил руку на не заживший ещё рубец и побледнел. — Да рана не первая, не последняя.

Друг раненого закричал на Ксению:

— Сумасшедшая! Иди отсюда! Кликуша безмозглая! Иди, пока в шею не получила!

— Погоди, не нужно так, пусть идёт с Богом, — раненый, обняв разозлившегося товарища, потащил его прочь.

Ксения долго и печально смотрела на удалявшихся солдат, из глаз у неё потекли слёзы.

— Горе, горе горемычное. Молоденькие какие. Беда, и оплакать их будет некому.

— Андрей Фёдорович, — возле Ксении остановился знакомый коробейник Петя, лихой, симпатичный парень. — Кто обидел тебя? Скажи мне?

— Петя, — она улыбнулась сквозь слёзы, — не обидели меня, это горе я оплакиваю, не должно молодым людям умирать. Я хорошо это знаю.

— Возьми вот яблочко. Прости, нет больше ничего, чем бы поделиться.

— Да чем лучше можешь ты поделиться? Что лучше твоей доброты, Петя? — Ксения спрятала яблоко в карман.

К вечеру рынок постепенно опустел, по одной стали закрываться лавки, и Ксения ушла по улочкам вглубь Петербургской стороны. К закату похолодало, снова стал срываться снег, улицы были почти пусты, только у церкви Святого апостола Матфея к вечерне собирались прихожане. Внутри храма, готовясь к службе, уже зажгли свечи, проём открытой двери сиял в сумерках огнями свечей. Наверное, в церкви жило солнце, а, может, и сам Свет — так чудесно блистал в полутьме квадрат двери, призывавший в храм. Зазвучал колокол, созывая паству к молитве. Ксения совсем уж со-

бралась войти в церковь, как вдруг увидела идущую по улице молодую женщину.

Женщина несла на руках завёрнутого в одеяльце младенца. Прижимая его к себе, она горько плакала и тёрлась лицом о ткань одеяла, стараясь вытереть слёзы. Ксения догнала женщину.

— Постой, погоди, сестричка. Что ж ты так плачешь?

— Ой, Господи, — всхлипывая, долго не могла ответить женщина, — на последние копейки была у доктора, а он сказал, что не жить моему сыночку... — слёзы перешли в рыдания.

— Нам с Ксеньюшкой Бог детей не дал, а я люблю детей. Они ангелочки. Дай мне сыночка твоего, сестричка. Я покачаю его.

Женщина с сомнением посмотрела на рваную одежду нищенки, но потом вдруг решительно протянула ей ребёнка. Ксения осторожно взяла малыша в одеяле. Он, почувствовав чужие руки, зашевелился, закряхтел. Ксения улыбнулась.

— Не бойся, маленький, не бойся. Успокойся, усни. Тише, тише, моя деточка. А-а-а-а-а, — запела она, качая крохотный комочек в одеяле. Ребёнок успокоился, притих. — Теперь бери его сестричка. Бери да береги. Иди домой, всё будет хорошо. Не умрёт он, будет жить. Бери...

Уже совсем успокоившись, женщина бережно взяла малыша на руки, приподняла краешек одеяла и увидела, что младенец спокойно спит. Она долго, словно в забытьи, смотрела в лицо Ксении и, не сказав ей ни слова, медленно пошла по улице.

Закончилась вечерняя служба, прихожане разошлись по домам, потухли свечи, больше не сиял

в ночи дверной проём храма, и сами двери закрыли на замок.

Ночь превратила город в его тень, масляные фонари не справлялись с могучей темнотой, одолевшей, полонившей город. Ряды домов стояли страшными стенами, суровыми, безликими. Вода рек и каналов, голубевшая днём чистейшим сапфиром, виделась чёрной, сравнявшись цветом с землёй. Под покровом ночи являлось, оживало в городе всё скрываемое при свете дня. Крики пьяной драки, визг избиваемой женщины далеко разносились по округе, и даже тишина казалась угрожающей. В безмолвии представлялись ещё более страшные преступления, бессловесные в своём ужасе. Ночь, настороженная, не поддающаяся человеческим глазам, зажимала город и горожан в свой кулак. Никто в городе не любил ночных улиц, стараясь спрятаться за стенами домов, за дверными засовами и оконными ставнями.

Для Ксении ночь больше не означала сон. Ночной город никогда не был тих и беззаботен, ничем не напоминал человеческую спальню. Наоборот, он выплёскивал из себя всю гнусность, накопившуюся за день. Только к утру, к рассвету, устав бедокурить, он давал Ксении минуты отдыха, забвения.

Но как только начал оживать Сытный рынок, Ксения вновь села на ступеньки у хлебной лавки.

Сегодня лавочник не прошёл мимо, как обычно, сделав вид, что не замечает её, а остановился и долго, внимательно разглядывал нищую. Когда он заговорил, Ксения вздрогнула от неожиданности.

— Послушай, может, это и не из-за тебя, скорее всего и так, только вчера я весь свой товар продал. Не бывало раньше такого. Вот тебе рубль — помяни моих родных.

— Нет, — покрутила головой Ксения, — мне рубль не нужен. Дай мне «царя на коне».

— Копейку, что ли? — удивился лавочник, спрятал рубль и достал из кошелька монету с изображением всадника на коне, копейку. — Эту?

— Да, её, — кивнула Ксения, беря деньги.

— Помяни моих родителей, — попросил лавочник дрогнувшим голосом.

— Царствие им небесное, — перекрестилась Ксения.

Лавочник быстро исчез за звякнувшей колокольчиком дверью, но через некоторое время снова появился на улице и протянул нищей свежую булочку.

— Поешь, а мне работать пора, торговать надо, — сказал он зачем-то, перед тем как ушёл окончательно.

Съев булочку и посмотрев внимательно на копейку, Ксения пошла прочь с рынка. Свернув с Большой Офицерской улицы в переулок, она замедлила шаг, в узком немощёном переулке ей преградила дорогу невысыхающая лужа, в которой даже водоросли росли. Ксения обошла её по кромке вдоль забора. Грязные низкие дома переулка почти по окна вросли в землю, у одного такого дома она остановилась и постучала в калитку.

— Пелагея, ты дома? — позвала она громко. — Пелагея!

Калитку открыл мальчик в лохмотьях, не поприветствовав гостью, он побежал в дом.

— Мам, мам, Андрей Фёдорович пришла.

На пороге лачуги появилась женщина с усталыми, словно заспанными глазами.

— Проходите в дом, Андрей Фёдорович. Милости просим.

— Нет-нет, я на минутку, — Ксения протянула Пелагее копейку, — на, возьми, купи детям хлеба. Я булочку съела, мне больше не надо.

Женщина взяла копейку и заплакала.

— Раньше ты мне всегда помогала, Ксеньюшка, когда в достатке жила. Сейчас мне бы тебе помочь, только нечем. Сами голодаем.

— Бери, Пелагея, смогу — ещё принесу. Ты вдова с тремя детьми-сиротами. Накорми детей. Церковь нас учит: брать милостыню и давать её — одно дело делать.

— Так ведь и ты вдова, — вздохнула Пелагея.

— Нет, сестричка, я — Андрей Фёдорович. Прощай. Пора мне. Слышишь? Колокол к обедне звонит.

— Да разве слышно? Кажется, звон к нам не доносится.

Колокольный звон разносился над Петербургской стороной, созывая людей в храм. Горожане, оставляя дела, повинуясь этому призыву, трогавшему душу, торопились на время расстаться с бесконечными житейскими хлопотами и уйти в церковь, чтобы оказаться в молитве, далеко над плоским миром земной суеты. Спешили в единстве веры паствы и священника отпустить свою душу

на свободу, к вершине горнего мира, к чистоте детской мечты в абсолютное добро. Самая хмурая душа хотела, смутившись, дрогнуть покаянием, а самая чистая могла засверкать, переполнившись любовью.

Пока же колокола звонили, обещая светлую радость ежедневной молитвы. Ксения торопилась, боясь опоздать к началу службы. В церкви Святого апостола Матфея отец Лука уже переоделся, уже собрались певчие и прихожане. Ксения поспешила войти внутрь храма, не присоединившись, как обычно, к нищим на паперти, но стоило ей войти в церковь, как к ней подошла женщина, у которой накануне был болен ребёнок. Решительно взяв Ксению за руку, женщина молча вывела её на улицу.

— Он здоров, мой сынок. Улыбается, кушает хорошо. Всю ночь спал спокойно. Ты спасла его! Я знаю, что ты! — она отпустила руку Ксении, которую до этого судорожно сжимала. — Как мне отблагодарить тебя? Что могу отдать тебе? Возьми всё, что у меня есть! Ничего дороже сына для меня нет. Душу тебе отдам за него.

— Сестричка, подумай сама, что может быть нужно такому человеку, как я?

— Да! Нет у меня ничего такого, что можно дать человеку, через которого Бог дарует другому жизнь. Но я не могу просто так уйти...

— Я болею от горя вокруг. Ненависти столько и злобы, ими, а не ножами убивают люди друг друга. Столько бед, сердце разрывается. Пойду я, служба началась.

— Постой, я обещаю. Теперь это будет мой долг тебе — помогать другим.

— Не мне долг, а Тому, Кто слышит нас, — Ксения остановилась и кивнула головой в сторону храма.

— Помолись ещё о сыне моём, прошу тебя, — поклонилась женщина.

Ксения в ответ улыбнулась ей и вошла в церковь, из которой уже давно доносилось стройное пение хора.

Зима наступила неожиданно, как это всегда бывает. В одну ночь ударил сильный мороз, город засыпало снегом. Утром проснувшиеся люди обнаружили, что всё, на чём только мог удержаться снег, забелено им, как волшебными белилами. Облачный день не казался хмурым и суровым, а предстал светлым и праздничным. Снег был тем дороже, что наконец-таки он мог называться первым. До появления всеобщего белого покрывала он только изредка срывался, показываясь у земли отдельными неприкаянными снежинками, а тут решился и отвоевал весь город.

Только начало зимы порадовало горожан, потом снежные морозные дни уныло потянулись бесконечной чередой. Потянулись, постепенно, по частям отдавая свою жизнь вьюжным ночам. Ветер, измучивший город осенью, не отступил, а сильнее обозлился, наполнился безжалостной стужей. Порой не так страшен был мороз, как пронизывающие порывы ветра, продувавшего любую одежду, уносившего последнее тепло.

Холод мучил Ксению длинными зимними ночами, не давал ей отдыха и днём. В засыпанном снегом городе что ни согревали люди, тут же застывало, промерзало насквозь. Ксения редко, когда уж совсем коченела от холода, просилась ненадолго

где-нибудь погреться, но чаще люди сами приглашали её в дома, жалея замёрзшую нищенку. На Сытном рынке к ней уже давно привыкли, и многие охотно подавали милостыню, прося Андрея Фёдоровича помянуть душу Ксении Григорьевны.

Между низким зимним небом и застывшим городом ветер закручивал снежные бурачики, проносясь по присмиревшим улицам, площадям и притихшим в холоде рынкам. Метель боролась с оказавшимися на улице людьми, подхватывала в парусах-одеждах тех, кто шёл с нею по пути, и с воем отбрасывала пытавшихся перечить, идти навстречу. Ксения прятала лицо, отворачиваясь от колких льдинок вьюги, но это мало помогало. Вездесущие льдинки, не уставая, кружились вокруг бредущей по улицам нищенки. Останавливаться было нельзя, движение рождало хоть какое-то тепло, хоть какую-то надежду не замёрзнуть окончательно. Неожиданно рядом с Ксенией остановились сани, женщина в дорогом полушубке пристально посмотрела на нищую.

— Ты зовёшь себя Андреем Фёдоровичем? — строго спросила она Ксению.

— Да, я.

— Поедешь со мной, — почти приказала незнакомка. — Садись же быстрее! Я тебя уже два часа по всей Петербургской стороне ищу. — Ксения не сдвинулась с места, и женщине пришлось объяснить. — Я Марфа, кума купчихи Натальи Николаевны Крапивиной. Знаешь такую?

Ксения кивнула, кто же на Петербургской стороне не знал богатую купчиху.

— Наталья Николаевна приказала привезти

тебя к ней. Много о тебе ей рассказывали разного. Да поехали, наконец! Сможешь согреться, поешь, да и не скупая кума-то моя — денег даст. Садись быстрее, ты вон синяя, зубами стучишь, и я тут с тобой совсем окоченела.

— Хорошо, поеду, — Ксения села в сани, кума купчихи отодвинулась от неё подальше, покосившись на грязные лохмотья нищенки.

По парадной лестнице богатого трёхэтажного дома купцов Крапивиных кума быстро взбежала на второй этаж. Ксения поднималась медленно, застывшие от холода ноги её плохо слушались. Когда она вошла в залу, обставленную дорогой мебелью, кума Марфа уже разделась и села за стол с остальными гостями купчихи.

Во главе стола восседала сама Наталья Николаевна Крапивина, пухленькая, томная, в шёлковом тёмно-зелёном платье, хорошо оттенявшем её белоснежную кожу. Украшения богатой купчихи стоили, наверное, целое состояние: массивные золотые перстни на каждом пальце, несколько дорогих ожерелий на шее, серьги с изумрудами.

Кроме купчихи за столом расположились ещё четыре женщины — кумушки и подруги. Наталья Николаевна царственным жестом показала рукой на пустой стул у стола и мягким грудным голосом пропела, приглашая Ксению.

— Садись...

— ... Андрей Фёдорович, — подсказала ей кума Марфа.

— Андрей Фёдорович, — повторила за Марфой купчиха.

Ксения осмотрелась, нашла иконы, перекрестилась, только после этого поклонилась хозяйке и села.

— Благодарю, матушка.

— Угощайся. Налейте ей чаю, — приказала купчиха самой молодой из кумушек.

Та подскочила, налила чашку чая, положила на блюдце кусок колотого сахара, а на дорогую фарфоровую тарелку — куски говядины, утки, колбасы, хлеба, солёный огурец, пирожок — всё это она поставила перед Ксенией.

Отпив немного горячего чая, Ксения съела кусочек утки и какое-то время рассматривала блюда на столе: печёных уток и кур, колбасы, пирожки, сладости, многие из которых она раньше никогда не видела. Осмотрела и комнату вокруг — светлую, с большими окнами, с дорогой заморской мебелью на изогнутых ножках и шикарным, в золочёной раме зеркалом на полстены.

Царственная красавица Крапивина и её гости, в свою очередь, рассматривали Ксению: потрёпанную, грязную одежду мужа на ней, седые пряди волос, выбивавшиеся из-под картуза и свисавшие по щекам, большие печальные глаза, от синих кругов вокруг казавшиеся огромными. Взгляд этих удивительных глаз трудно было выдержать, купчиха не смогла долго в них смотреть; в конце концов Ксения, ничем не заинтересовавшись в комнате, всмотрелась в лицо хозяйки.

— Ты на улице живёшь? — когда Наталья Николаевна стала расспрашивать гостью, все заметили, что она почему-то волнуется, нет её обычной самоуверенности. — Правда, что дом свой ты подарила подруге?

— Правда.

— Наверное, очень ты любила мужа, — в голосе купчихи послышалось сочувствие, а может быть, немного и зависть.

— Андрей Фёдорович жив, — строго сказала Ксения.

— Хорошо, хорошо, — успокоила её купчиха, — жив, так жив.

— А правда, что ты ребёнка спасла, и теперь, когда приносят тебе болящих детей, стоит тебе приласкать младенца — тот выздоравливает? — не выдержала одна из кумушек постарше.

— Андрей Фёдорович любит детей, — покивала головой Ксения.

— А ещё лавочники на рынке говорят: стоит тебе взять что-нибудь в лавке, так весь товар вмиг расходится, — вступила в разговор кума Марфа.

— Я не беру у того, кто покупателей обвешивает или бедных обижает, а добрый человек, он добротой богатеет. Худой же сам себя губит.

— Говорят, ты молиться любишь, и Господь твои молитвы слышит. Денег я тебе дам. Много дам. Помолись о семействе моём, о муже, о детях. Помяни сродников. И обо мне помолись, — купчиха взяла со стола кошелёк, показала его всем, потрясла им, зазвенели монеты. — Что ж ты не ешь? Ты гостья моя — угощайся.

Ксения взяла кусочек колбасы с хлебом, укусила один раз и вновь положила на тарелку.

— Прости, матушка, не могу, — она вновь обвела глазами комнату, стол, и, посмотрев на хозяйку, вдруг неожиданно для всех заплакала, слёзы

одна за другой быстро побежали по щекам, падая в тарелку.

— Да что ты в самом деле, перестань, — растерялась и немного разозлилась Наталья Николаевна. — Не хочешь есть — ладно. Деньги-то возьми!

Ксения встала из-за стола.

— Нет, не возьму я денег.

— Что ж за доброту обижаешь ты меня напрасно. Хочешь сказать, что нечестно они нажиты. Мы бедных не обижаем, всегда помогали, и род наш никогда не обманывал тех, с кем торговал. Зачем же ославить нас хочешь на всю Петербургскую сторону? — лицо купчихи покраснело. — Возьми деньги, Христом Богом прошу!

— Не гневайся, матушка, прости... Не могу я взять у тебя деньги. Не знаешь, о чём просишь. Молись, не молись — поздно... — Ксения быстро вышла из гостиной.

— Марфа, возьми кошелёк, догони её и отдай, — приказала купчиха куме.

Марфа догнала Ксению на лестнице.

— Ну, у меня слов нет... От таких денег отказываешься! Бери, — на ходу сунула она в руку Ксении кошелёк, но та вновь не взяла его, и он упал, звякнув монетами при ударе о ступеньку.

Ксения на секунду остановилась, подняла на куму заплаканные глаза.

— Зелена крапива, да скоро завянет.

И столько было горя в этих несвязных, непонятных словах, что кума Марфа застыла с раскрытым ртом, на время позабыв об уроненном кошельке, в оцепенении проводив глазами уходящую нищенку.

Через несколько дней зимняя оттепель принесла в город грязь, подтаявший снег серой кашей разлился по улицам, чавкал под колёсами телег. Люди и в сапогах с трудом пробирались по улицам Петербургской стороны. Однако Сытный рынок ожил, горожане старались сделать покупки до возвращения морозов и метелей, зная, что оттепели скоро придёт конец и снова на недели завьюжит, заморозит город безжалостная зима.

Ксения, как всегда, сидела на ступеньках хлебной лавки. Хозяин теперь каждый день здоровался с ней по утрам, улыбался как хорошей знакомой, угощал свежей булочкой или пряником, а днём иногда подходил просто поболтать. Торговцы из соседних лавок тоже подкармливали безобидную нищенку кто чем мог, давали ей копейки — «царя на коне» — на помин души.

— Здравствуй, Андрей Фёдорович! — здоровались многие, проходя мимо Ксении.

Сытный рынок шумел, проезжали телеги, люди шли чередой с корзинами, полными покупок, верещал кем-то купленный, потревоженный ото сна поросёнок, но Ксения, задумавшись, не замечала суеты вокруг. Не заметила она и куму купчихи Крапивиной Марфу, неделю назад возившую её в гости к хозяйке. Марфа же решительно остановилась перед Ксенией и заговорила громко, с надрывом в голосе:

— Ты знала?! Да?! Ты знала, что она умрёт? Отвечай мне, — Марфа дёрнула Ксению за рукав, — чего молчишь?!

Ксения, очнувшись от своих мыслей, внимательно посмотрела на куму и покачала головой.

— Ни деньги, ни милостыня, ни молитвы — ничто не могло помочь.

— Сумасшедшая! — Марфа закричала во весь голос. — Ты знала и не сказала!

— А хоть и знает человек... — вздохнув, Ксения поднялась на ноги.

— Да как же ты могла? — Марфа схватила её за плечи и начала трясти. — Она не должна была умереть. Дети же у неё. Молодая, здоровая, в три дня сгорела, вчера схоронили. Ты знала, знала! Ненавижу! — кума заплакала, но не отпустила плечи Ксении. — Нужно было что-то делать! Ты — сумасшедшая кликуша!

На крики кумы из хлебной лавки выбежал хозяин, ни секунды не мешкая, он оторвал бьющуюся, как в припадке, куму от Ксении.

— Не тронь её, дура!

— Да она же знала! Знала, что Наталья умрёт. Гнать надо эту сдвинутую из города!

Привлечённый скандалом, начал собираться народ: лавочники, торговцы с лотками, случайные прохожие и нищие, постоянно побирающиеся на рынке.

Кума продолжала кричать.

— Люди добрые, купчиха Крапивина умерла, вчера схоронили! А эта — она показала пальцем на Ксению — неделю назад сказала: «Зелена крапива, да скоро увянет», денег у купчихи не взяла, сказала, что поздно о ней молиться, и ревела белугой за столом, словно на поминках... Откуда знать она могла?.. — со страхом, упавшим голосом прошептала кума и трижды перекрестилась.

Ксения ничего не отвечала, только тихо плакала.

Молодой торговец Петя, сняв лоток с шеи и отдав его товарищу, подошёл к Ксении, обнял её за плечи.

— Не плачь, Андрей Фёдорович. Не горюй. Глупая она баба. Ты права, Марфа, могла знать. Наш Андрей Фёдорович много чего знает и детей одной лаской лечит, и копейки свои другим нищим раздаёт, и будущее видит. Потому что в Боге живёт. Только от большой любви такое бывает. Не сумасшедшая она, Марфа, а блаженная. Блаженная!

— Петя, — Ксения подняла заплаканные, но сияющие глаза, — мальчик мой. Ты возьми у меня вот эту копеечку, — отдала она ему монетку. — И не спорь со мной, бери. Ты скоро станешь богат, очень богат. Тебе не страшно, тебе можно. Душа у тебя так и останется доброй, а от богатства только много хорошего сделаешь для людей.

Слово «блаженная» пробежало по толпе от человека к человеку, отозвавшись на лицах людей испугом — знаком непонимания. Марфа, ничего не ответив Пете, поспешила уйти. Остальные люди потоптались ещё какое-то время в нерешительности и по одному тихо разошлись.

— Благодарю тебя, Андрей Фёдорович, — Петя поклонился Ксении, — а знаешь, я верю тебе, верю каждому слову. Трудно поверить, я ведь бедняк бедняком, только что не на улице живу. Но беру эту копейку и знаю — будет, как ты сказала!

— Богатство не главное, — продолжала Ксения, — главное, семья у тебя будет хорошая. Жена

любящая и детки. В семье человек проживает свою жизнь. Самая большая удача для души, когда венчана она воедино любовью с другой душой. Ты знаешь, Петя, какое счастье — полюбить. То высший дар от Бога, испытать уже на земле любовь, как будто и неземную. Когда получишь этот дар, храни его...

За несколько лет костюм Андрея Фёдоровича на Ксении Григорьевне истлел от осенних дождей, от зимних морозов, от летней жары. Пришлось Ксении Григорьевне переодеться в красную юбку и зелёную кофту из грубого сукна, а картуз заменить шерстяным платком.

Со временем не только на Петербургской стороне, но и в других районах столицы узнали о необычайной нищенке, целыми днями бродившей по городу. Теперь к ней на улице беспрерывно подходили люди, здоровались, чем-то угощали, давали милостыню, просили благословить или о ком-то помолиться. Но, где бы Ксения ни появлялась в течение дня, она обязательно навещала одно место — могилу мужа на Смоленском кладбище.

Ксения ходила по городу, в котором больше не осталось для неё чужих людей. Город принадлежал теперь ей, словно действительно весь стал её домом. Она умывалась в Неве, спала на траве на любой лужайке, горожане кормили её своими подаяниями и больше не разрешали никому обижать своего Андрея Фёдоровича. Люди звали её в гости, она без стеснения привыкла навещать знакомых, которых становилось всё больше и больше.

Северный приморский город стал ей по-настоящему дорог именно теперь, когда она узнала его как

никто другой. Для неё стали открыты страдания людей несчастных, бедных и униженных, понятна тоска и печаль небедных. Раны города, его боль отдавали люди своей Ксении, её печали о каждом, её молитве о каждом. И щедрость, и душевность тоже были отданы ей, самая чёрствая душа не могла усомниться в чистоте блаженного Андрея Фёдоровича. Все знали, что милостыня через её руки тут же попадёт к самым обездоленным.

Ксения, войдя в ограду Смоленского кладбища, прежде чем навестить могилу мужа, подошла к рабочим, начинавшим строить церковь. Они закладывали фундамент, но, заметив Ксению, на минутку остановились.

— Здравствуй, Андрей Фёдорович!

— Здравствуйте, — поклонилась всей бригаде Ксения. — Старайтесь, ребятушки, — озабоченно заглянула она в котлован, — фундамент должен быть крепким. Большое испытание предстоит этой церкви, только вы не бойтесь — она выдержит. Многое тут вокруг рухнет, унесёт вода, а она устоит.

— Не волнуйся, Андрей Фёдорович, — переглянулись между собой рабочие, — мы всегда на совесть строим.

Плиту на родной могиле Ксения протёрла ладонью, по-хозяйски пройдясь пальцами по шероховатым высеченным на ней буквам имени и датам рождения и смерти. Осмотрела траву, перьями отдельных травинок проросшую вокруг плиты и креста, нарушавшие гладкость зелёного ковра

стебельки вырвала. Только когда могила показалась ей в полном порядке, Ксения с ласковой улыбкой осмотрела её ещё раз и присела на траву рядом с крестом.

На кладбище, кроме Ксении, посетителей не было, никто не мог ей помешать, голоса рабочих со стройки к могиле Андрея Фёдоровича не долетали.

Теплый летний день согрело полуденное солнышко, тишину нарушали только птицы, но щебетом своим они не мешали кладбищенскому покою, а казались частью его. Птицы летали между могилами, склёвывали крошки, оставленные для них в поминание усопших. Люди верили, что птицы, улетающие в небо, уносят туда их память о мёртвых, что именно птицы хранят связь неба с землёй.

Когда на кладбище появились могильщики, готовые вырыть новую могилу (кто-то опять умер), Ксения поспешила уйти. Уходя, она тоже положила на могильную плиту мужа крошки для птиц, не замедливших воспользоваться угощением.

Ксения вышла из кладбищенских ворот и медленно пошла по улице. Она не заметила, что от ворот за ней последовал человек в чёрном сюртуке. Близко он к Ксении не подходил, но и далеко не отставал. Когда она остановилась благословить двух детишек и говорила с их матерью, человек спрятался за угол дома. Стоило ей продолжить свой путь, он двинулся следом. Целый час человек в чёрном прогуливался вдоль домов в переулке, где Ксения обедала у знакомой купчихи. Он останавливался у каждого бедного дома, куда она заходила, чтобы отдать свои копейки. Однажды он чуть не налетел на Ксению, не заставшую кого-то дома и неожи-

данно вышедшую ему навстречу из тупика. Человек потоптался недолго в тупике и продолжил преследование. Целый день он ходил за нищей по Петербургской стороне, чуть не потеряв её в сутолоке Сытного рынка, а вечером вслед за Ксенией вошёл в церковь Святого апостола Матфея и отстоял службу, не спуская глаз с кладущей земные поклоны нищей. Наступила короткая летняя ночь, то ли ночь, то ли затянувшиеся сумерки, лишь на несколько часов подпустившие тьму к городу.

Человек в чёрном беспокоился, он боялся в сумерках потерять нищую, думая, что она может свернуть в любой узкий переулок. Он боялся быть замеченным и не подходил слишком близко, но Ксения шла, не торопясь, по пустому, спящему городу, ни разу не оглянувшись, и преследовавший её человек, осмелев, решился подойти поближе. Вслед за нищей он шёл очень долго, уже закончились городские кварталы и захудалые окраины бедного района, закончились и огороды, примыкавшие к последним хибарам. Дорога превратилась в петляющую в огородах тропинку, и наконец перед двумя путниками раскинулся широкий луг, поросший зелёной нетронутой травой. Ветер, освободившийся от мешавших его свободе домов, восторженно носившийся между полями и ночным небом, набросился на ступивших на его территорию людей.

Присев у последнего огорода, человек рукой нервно пощипывал траву. Он не знал, что делать дальше. Ксения уже пересекла луг, ещё немного, и её не увидеть. Однако она и не думала уходить далеко в поле, а остановилась на ближайшем при-

горке. Теперь человек видел только её силуэт на фоне потемневшего неба. Женщина опустилась на колени и приступила к молитве. Она крестилась и кланялась, потом поворачивалась на шаг и снова крестилась, кланялась...

Всю ночь Ксения молилась на все четыре стороны света. На пустынные улицы, на каждого спящего человека опускалась эта молитва, покрывая собой северный город в низине между водой и сушей. Город как дом блаженной, горожане как сродники хранились её сердцем, её неусыпной ночной молитвой. Жилища, построенные на отвоёванной у моря земле, дворцы и дома, до последней бедной хибары, мосты, перекинутые через вены рек и каналов между сорока островами, деревья и травы, и даже спящие люди — всё наполнилось молитвой и стало вдруг обладать душой.

Город по молитве вправду стал домом. Человек в чёрном вдруг ясно увидел, как женщина повернулась в нему и перекрестила его. И на рассвете, уставший, засыпающий, он не испугался того, что был замечен, а даже обрадовался благословению.

Утром Ксения направилась назад в город, но на окраине, у одного бедного домика, заметила, что на огороде грядки с зеленью совсем заросли. Решила помочь — прополоть сорняки. Когда одна из грядок была прополота, силы всё же покинули Ксению, она легла прямо на тропинке между грядок и спокойно уснула.

Человек, целый день и ночь издалека следивший за Ксенией, решил приблизиться к ней. Он остановился в нескольких шагах от спящей и долго рас-

сматривал её. Но ничего не нашёл особенного в немолодом, покрытом морщинами лице, на которое свисали седые нечёсаные пряди волос, выбившиеся из-под платка. Человек в чёрном сюртуке, который и сам был уже далеко не молод, печально вздохнул и побрёл по ближайшему переулку домой.

Купец Пётр Иванович Панов вошёл в полицейский участок и, не обращая внимания на других посетителей, сидевших на лавках в широкой прихожей, решительно толкнул дверь кабинета начальника.

Толстый, краснолицый начальник участка быстро поднялся со стула и расплылся в кошачьей улыбке.

— Здравствуйте, Пётр Иванович. Какими судьбами к нам? Чем могу служить?

— Да уж, можете, — купец был так зол, что начал разговор стоя.

— Присаживайтесь, будьте любезны, — начальник продолжал подобострастно улыбаться.

— Я-то сяду, — Пётр Иванович быстро сел, продолжая сурово в упор смотреть на собеседника.

— Если неурядицы какие, только скажите, всё решим, — выразил готовность полицейский.

— Ты скажи мне, Афанасий Семёнович, почему это твои люди следят за нашим Андрей Фёдоровичем? И не думай отпираться, уже несколько дней на Петербургской стороне видят, как твои соглядатаи ходят вослед нашей блаженной. Это для какой такой надобности? Ты лучше со мной не шути! Мы её в обиду не дадим! — стукнул купец по столу кулаком.

— Пётр Иванович, дорогой, приказ у меня. Приказ государыни — убрать с улиц столицы всех нищих. А Ксения, при всём моём уважении, живёт непонятно где. А где спит? А где еду берёт? Если нищенствует, я, как ни крути, обязан убрать её из города. Знаю, что особое к ней у народа отношение, вот и не трогаем её... Только должен я, если что, отчёт иметь о её жизни.

— Отчёт? О её жизни?! Что тебе нужно внести в отчёт: как она мужа любимого потеряла, как имущество раздала бедным или как теперь продолжает людям помогать, хотя сама живёт на улице?

— Да кто ж спорит, женщина она праведная, вот и мои люди о ней только хорошее пишут, — полицейский улыбнулся, — один так прямо поэму написал.

— Ничего ты не понимаешь, Афанасий Семёнович. Здесь другими мерками мерить надо. Не нашей жизнью, не твоими приказами. Поэму, говоришь? Вишь, даже твой соглядатай душу её почувствовал. Пройдёт наша жизнь — будто и не было её, нас и не вспомнит никто...

— Тебя-то вспомнят, Пётр Иванович, ты вот церкви и богадельни строишь на свои деньги.

— Нет, не вспомнят, — покачал седеющей головой купец. — Ксению же Григорьевну будут помнить обязательно, пока стоит этот город. Церкви, богадельни — говоришь ты, да, только всё равно это камни. Как тело живо душой, так камни города от Божьей милости смысл начинают иметь. Душа она этого города — Ксения. И мою жизнь на Сытном рынке она предсказала, словно пред-

решила. Ты не понимаешь, на кого хочешь поднять руку.

— Да Бог с тобой, Пётр Иванович, пусть себе живёт. Не тронем мы её.

— Что угодно у меня за покой её проси, всё тебе дам. Только никакой обиды ей не допущу, ты так и знай. Все деньги мои, всю власть употреблю, если нужно будет!

— Да что ты, что ты, — испугался полицейский, — обещаю, не тронем мы её. Что ж я не понимаю, не только ты, вся Петербургская сторона заволнуется, если тронуть блаженную. Мне беспорядки не нужны, пусть себе живёт. Одна нищая на улицах погоды не делает. А что, правда, она тебе будущее предсказала?

— Правда. Всё, как есть... И знаешь, Афанасий Семёнович, много думал я об этом, и стало мне казаться: жизнь, что не прожила сама, она по кусочкам другим раздаёт. Вот и я, словно за неё жизнь живу, ею мне подаренную. И страшно мне иногда от этого, и радостно, и боюсь, что, не дай Бог, вдруг не так доживу дарованное мне её счастье. И люблю её за этот дар так — до боли сердечной, и ничем, ну совсем ничем не могу отплатить ей. Ничего во мне нет такого, особенного... А ты говоришь — церкви да богадельни... Ладно, прощай, пойду я. А ты помни, Афанасий Семёнович, что обещал мне. Обманешь, не дай тебе Бог, с живого не слезу!

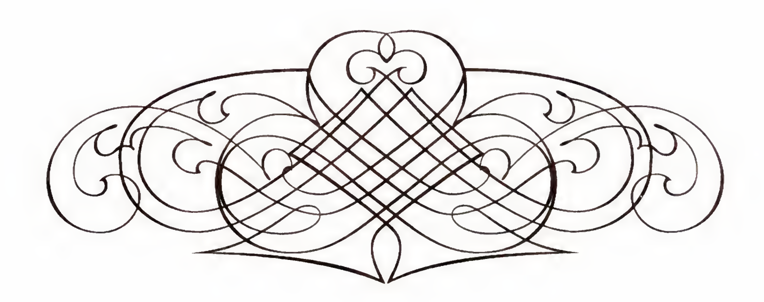
Глубокой ночью на Смоленском кладбище стоит удивительная тишина. Освещённые светом луны и звёздными россыпями недостроенные стены

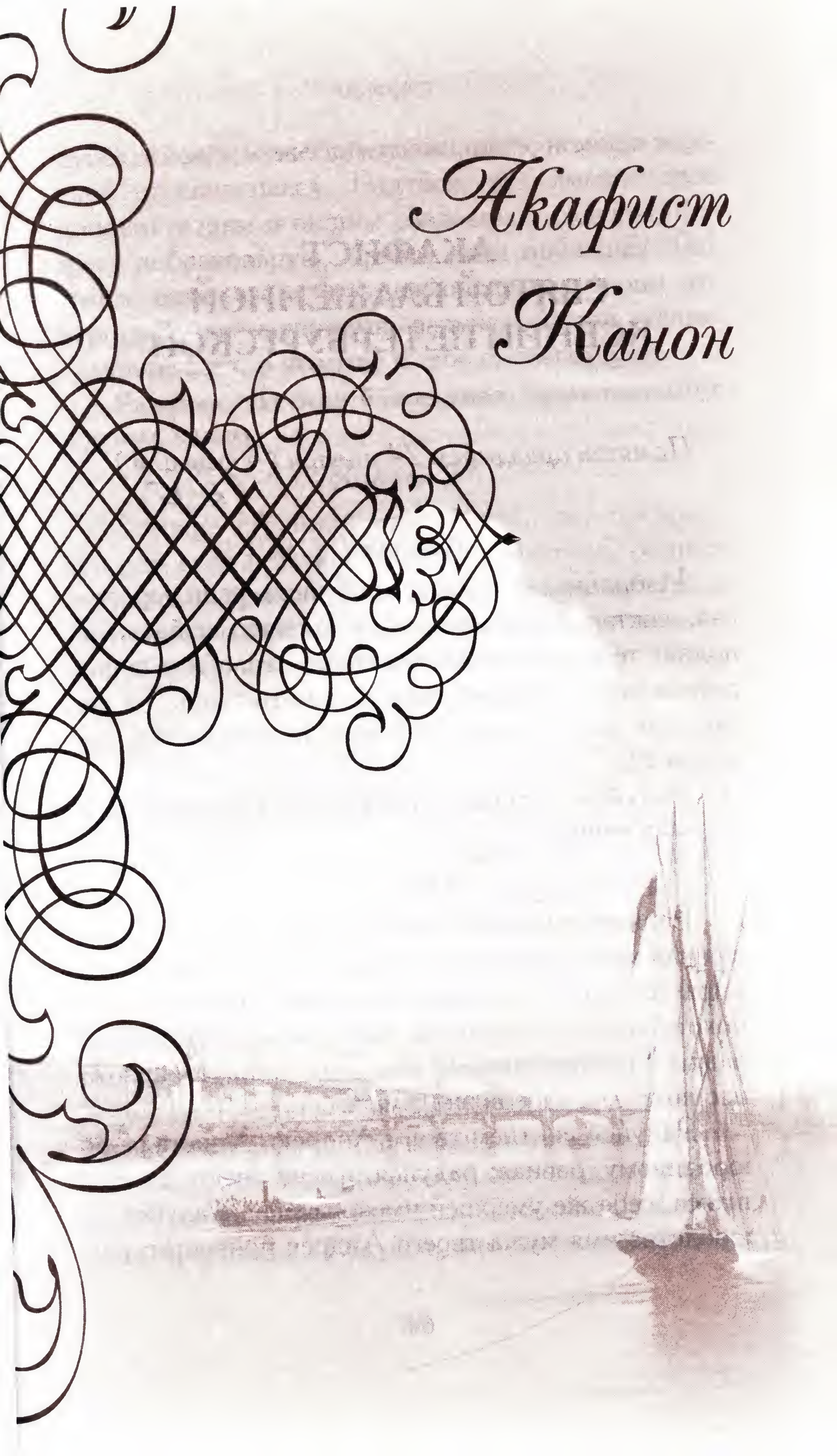
новой церкви уже высоко поднимаются над землёй.

По строительным лесам, оплетающим растущие стены, Ксения шаг за шагом поднимается до самого верхнего настила, склоняясь под тяжестью сумы за плечами. Прозрачны лунные тени от досок и балок. Покачиваются под ногами доски, на высоте ветер и ощущение бездны, которая совсем рядом — в шаге от непрочной дорожки. Ночь длинная, камень за камнем носит Ксения в сумке снизу вверх. Придут утром каменщики, смогут сразу начинать работу. Удивятся, обрадуются: «Спасибо неизвестному помощнику!»

Поднимается всё выше и выше блаженная Ксения, в который раз преодолевает опасный путь по дорожкам из досок от земли ближе к небу, склоняются слабые женские плечи под тяжестью камней.

— Вот так, ещё немного, — приговаривает она сама себе, — всё ж быстрее построят... Ещё одним храмом станет в городе больше. Будут люди поминать усопших, будут чаще молиться друг о друге, будут жить праведнее, станет больше в мире Любви... Быстрее, быстрее нужно строить храм.

Акафист
Канон

АКАФИСТ СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ

Память празднуем 24 января (6 февраля)

Н. Ст.

Кондак 1

Избранная угоднице и Христа ради юродивая, святая блаженная мати Ксение, избравшая подвиг терпения и злострадания, хвалебное пение приносим ти, чтущии святую память твою. Ты же заступи нас от враг видимых и невидимых, да зовем ти:

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Икос 1

Равноангельского жития взыскала еси, блаженная мати, по успении мужа твоего отвергла еси мира сего красоту и вся, яже в нем: похоть очес, похоть плоти и гордость житейскую, юродством разум Христов стяжала еси. Того ради услыши от нас похвалы, тебе возносимыя:

Радуйся, житием твоим Андрею, Христа ради юродивому, равная; радуйся, имени своего отрекшаяся, себе же умершей именовавшая. Радуйся, в юродстве имя мужа твоего Андрея приявшая; ра-

дуйся, именем мужеским назвавшись, немощи женской отрешившаяся. Радуйся, все имение твое добрым людям и нищим раздавшая; радуйся, нищету добровольную Христа ради приявшая. Радуйся, века сего суемудрия юродством твоим отвергатися нас научившая; радуйся, благая утешительнице всех, в молитве к тебе прибегающих.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 2

Видяще странное твое житие, яко презрела еси дом свой и всякое мирское богатство, родные по плоти безумною тя полагаху, людие же града Петрова, видя смирение твое, нестяжание и вольную нищету, воспели Богу: Аллилуиа.

Икос 2

Разум, от Бога тебе данный, ты, Ксение блаженная, в мнимом безумии скрыла еси; в суете града великого аки пустынница жила еси, молитвы Богу свои возносящи непрестанно. Мы же, дивящеся таковому житию твоему, взываем тебе хвалебно:

Радуйся, крест тяжкий юродства, от Бога тебе данный, на рамена своя приявшая; радуйся, мнимым безумием сияние благодати сокрывавшая. Радуйся, дар прозорливости смирением крайним и подвигом молитвы стяжавшая; радуйся, дар сей на пользу и спасение страждущих являвшая. Радуйся, страдания людския прозорливо в дали необозримей зревшая; радуйся, жене доброй о рождении сына прорекшая. Радуйся, яко жене той у Бога

чадо испросившая; радуйся, всех к Богу в молитве прибегати научившая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 3

Силою свыше, от Бога тебе дарованною, зной и люту стужу мужественно претерпевала еси, распинающи плоть свою со страстьми и похотьми. Тем же Духом Святым просвещаемая, взывала непрестанно Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имущи, о блаженная, небо покровом себе, землю же ложем своим, отвергла еси плотоугодие Царства Божия ради. Мы же, зряще таковое твое житие, со умилением зовем ти:

Радуйся, жилище свое земное людям отдавшая; радуйся, небесного крова взыскавшая и получившая. Радуйся, ничто же земное имущая, а всех духовно богатящая; радуйся, житием своим терпению нас научающая. Радуйся, любовь Божию людям показующая; радуйся, плодами благочестия украшенная. Радуйся, терпение и незлобие миру явившая; радуйся, теплая предстательница наша пред престолом Всевышнего.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 4

Бурю житейскую, во граде Петрове мятущуюся, кротостию и незлобием преодолела еси, блаженная мати, бесстрастие же к тленному миру стяжала еси. Тем же и поеши Богу: Аллилуиа.

Икос 4

Слыша о тебе, яко ты, злостраждущи Христа ради, скорбных утешаеши, немощных укрепляеши, заблудших на путь правый наставляеши, людие страждущии к помощи твоей прибегаху, воспевающе тебе:

Радуйся, путь Христов всем сердцем возлюбившая; радуйся, Крест Христов радостно понесшая. Радуйся, всякое поношение от мира, плоти и диавола претерпевшая; радуйся, даров Божиих преисполненная. Радуйся, любовь к ближним явившая; радуйся, страждущим людям утешение подававшая. Радуйся, слезу плачущих отиравшая; радуйся, благодатию Духа Святаго чудесно согреваемая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 5

Боготечною звездою явися святость твоя, Ксение блаженная, осветившая небосклон града Петрова. Уже бо людем, гибнущим в безумии греха, ты явила путь спасения, всех к покаянию призывая, во еже вопити Богу: Аллилуиа.

Икос 5

Видя подвиги твоя в молитве, терпении хлада и зноя, благочестивии людие пыташася умалити страдания твоя, одежду тебе и пищу приносяще. Ты же вся сия нищим раздавала еси, желая в тайне подвиг свой сохранити. Мы же, дивяся вольней нищете твоей, взываем ти сице:

Радуйся, зной и стужу Христа ради добровольно терпевшая; радуйся, в молитве непрестан-

но пребывавшая. Радуйся, град Петров всенощным бдением от бед ограждавшая; радуйся, гнев Божий многажды от него отвращавшая. Радуйся, во все дни года ночами в поле молившаяся; радуйся, сладость райскую в нищете духовной вкусившая. Радуйся, в сладости сей вся земная оставившая; радуйся, яко вся в Бозе пребывавшая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 6

Проповедуют святость жития твоего, богоблаженная, вси, избавленнии тобой от многоразличных болезней, бед и скорбей, богатии и убозии, старцы и юныя. Тем же и мы, прославляюще тя, Богу вопием: Аллилуиа.

Икос 6

Воссия слава подвигов твоих, блаженная мати, егда ты нощию строителем церкви Смоленския камни тайно носила еси, облегчающи труды делателей церковных. Сия ведуще, и мы грешнии зовем ти таковая:

Радуйся, тайно творити добродетели нас научающая; радуйся, к подвигом благочестия всех призывающая. Радуйся, строителем храмов Божиих помогающая; радуйся, святость церковную возлюбившая. Радуйся, труды наша на пути спасения облегчающая; радуйся, к тебе прибегающим скорая помощница. Радуйся, всем скорбящим благая утешительнице; радуйся, града Петрова небесная заступнице.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 7

Хотящи избавити от скорби плачущаго врача, жену хоронившего, ты повелела еси некоей девице на Охту бежати и тамо мужа себе обрести и утешити. И совершишася тако, якоже ты рекла еси. Они же в радости воспеша Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Новое чудо в молитве своей показала еси, блаженная мати, егда рекла еси жене благочестивой: "Возьми пятак, потухнет". Сим прорекла ей о пожаре дома ея. И по молитве твоей пламень огня угасе. Мы же, ведуще сия, вопием ти похвальная:

Радуйся, скорби людския угашающая; радуйся, дерзновение пред Богом за страждущих явившая. Радуйся, свеча неугасимая, в молитвах к Богу ярко горящая; радуйся, предстательнице наша в бедах и напастях. Радуйся, страстьми одержимых от гибели спасающая; радуйся, благочестивых дев от брака неверного отвращающая. Радуйся, клеветою уязвленных от отчаяния избавляющая; радуйся, на суде неправедном скорая защитнице.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 8

Странницей бездомной прошла еси путь жизни твоей в стольном граде Отечества нашего, в велицем терпении скорби и поношения неся. Ныне же в горнем Иерусалиме пребывающи, в радости поеши Богу: Аллилуиа.

Икос 8

Всем вся была еси, Ксение блаженная: скорбящим утешение, немощным покров и защищение, печальным радование, нищим одеяние, болящим исцеление. Сего ради и вопием тебе:

Радуйся, в горних обителях пребывающая; радуйся, о нас, грешных, тамо молящаяся. Радуйся, благий образ служения Богу явившая; радуйся, униженных и гонимых покровительница. Радуйся, православный люд молитвами твоими заступающая; радуйся, обидимых и молящихся тебе защищающая. Радуйся, обидящих вразумляющая; радуйся, неверных и глумителей посрамляющая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 9

Всякия претерпела еси болезни, блаженная мати, нищету телесную, глад и жажду, еще же и поношение от людей беззаконных, иже мняху тя безумной быти. Ты же, Господу молящися, выну взывала Ему: Аллилуиа.

Икос 9

Витии многовещаннии не могут разумети, како ты безумием своим безумие мира сего обличила еси и немощию своею посрамила еси крепкия и мудрыя. Не ведают бо в тебе Божией силы и Божией премудрости. Мы же, помощь твою получившии, поем ти таковая:

Радуйся, Божественного Духа носительница; радуйся, со апостолом Павлом немощию своею

хвалившаяся. Радуйся, мнимым безумием своим мир обличившая; радуйся, красоту века спасения ради отвергшая. Радуйся, небесная блага всем сердцем возлюбившая; радуйся, на путь спасения нас призывающая. Радуйся, во грехе пиянства грозная обличительница; радуйся, безмездным и милостивым врачем всем бывшая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 10

Хотящи спасти душу, ты плоть свою со страстьми и похотьми распяла еси и, невозвратно себя отвергши, крест свой на рамена своя возложила еси и Христу всем сердцем последовала еси, поющи Ему: Аллилуиа.

Икос 10

Стена еси твердая и прибежище необоримое явилася молящимся тебе, мати Ксение. Тем же заступай и нас от враг видимых и невидимых молитвами твоими, да зовем ти:

Радуйся, на труд духовный нас воздвизающая; радуйся, от сетей вражиих нас избавляющая. Радуйся, фимиам кадильный, Богу приносимый; радуйся, мир Божий в сердца людей приносящая. Радуйся, дух злобы в сердцах озлобленных угашающая; радуйся, детям благим благословение подающая. Радуйся, тайною молитвою их от болезней исцеляющая; радуйся, миру озлобленному мудрость Божию явившая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 11

Пение хвалебное приносят ти, Ксение блаженная, спасшиися твоими молитвами от бед и скорбей, и всяких напастей, и купно с тобою радостно поют Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарным светом явилось житие твое, святая мати, во мраке жития сего освещающим люди. Ты бо падших из тины греха избавила еси и к свету Христову направила еси путь их. Тем же и зовем ти:

Радуйся, православных людей Божиим светом просвещающая; Радуйся, Христова угоднице, в мире надмирно пожившая. Радуйся, труды многими великую благодать стяжавшая; радуйся, во тьме греха благодатию Божиею сиявшая. Радуйся, отчаявшимся на пути спасения руку помощи подающая; радуйся, немощных в вере укрепляющая. Радуйся, духов злобы посрамляющая; радуйся, житием своим Ангелов удивившая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 12

Благодать обильно источаеши, Ксение блаженная, чтущим память твою и прибегающим к покрову твоему. Тем же и нам, тебе молящимся, источи от Бога струи исцелений, да зовем Ему: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще многая чудеса твоя, блаженная мати, восхваляем тя и всеусердно молим, не остави нас грешных в скорбных обстояниях, но умоли Господа Сил, да не отпадем от веры нашея православныя, в нейже тобою утверждаеми зовем ти:

Радуйся, сострадати страждущим нас научающая; радуйся, немощи наша всеусердно врачующая. Радуйся, распинати плоть со страстьми и похотьми научающая; радуйся, о чтущих память твою ходатаице и покровительнице. Радуйся, скорбный путь прошедшая; радуйся, спасение вечное сим улучившая. Радуйся, ко гробу твоему притекающим отраду подающая; радуйся, о спасении Отечества нашего присно ходатайствующая.

Радуйся, Ксение блаженная, молитвеннице о душах наших.

Кондак 13

О святая блаженная мати Ксение, в житии твоем крест тяжкий понесшая. Приими от нас, грешных, моление сие, к тебе приносимое. Огради нас молитвами твоими от наветов духов тьмы и всех, мыслящих нам злая. Умоли Всещедрого Бога подати нам силу и крепость, да кийждо от нас возьмет крест свой и во след Христу грядет, поя Ему с тобою: Аллилуиа.

(Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1)

Молитвы к святой блаженной Ксении Петербургской

Молитва первая

О святая всеблаженная мати Ксение! Под покровом Всевышняго жившая, ведомая и укрепляемая Богоматерью, голод и жажду, холод и зной, поношения и гонения претерпевшая, дар прозорливости и чудотворения от Бога получила еси и под сенью Всемогущего покоишися. Ныне святая Церковь, яко благоуханный цвет, прославляет тя. Предстояще на месте твоего погребения, пред образом твоим святым, яко живей ти, сущей с нами, молимся ти: приими прошения наша и принеси их ко престолу милосерднаго Отца Небеснаго, яко дерзновение к Нему имущая, испроси притекающим к тебе вечное спасение, на благая дела и начинания наша щедрое благословение, от всяких бед и скорбей избавление. Предстани святыми твоими молитвами пред Всемилостивым Спасителем нашим о нас, недостойных и грешных. Помози, святая блаженная мати Ксение, младенцы светом святого крещения озарити и печатию дара Духа Святаго запечатлети, отроки и отроковицы в вере, честности, богобоязненности воспитати и успехи в учении им даровати; болящия и недугующия исцели, семейным любовь и согласие ниспосли, монашествующих подвигом добрым подвизатися удостой и от поношений огради, пастыри в крепости Духа Святаго утверди, народ и страну нашу в мире и безмятежии сохрани,

о лишенных в предсмертный час причащения Святых Христовых Тайн умоли. Ты наша надежда и упование, скорое услышание и избавление, тебе благодарение воссылаем и с тобою славим Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Молитва вторая

О препростая образом жития своего, бездомная на земли, наследнице же обителей Отца Небеснаго, блаженная страннице Ксение! Якоже прежде к надгробию твоему недужнии и скорбнии припадавшии и абие утешениями исполняемии, сице ныне и мы (имена), обуреваемии тлетворными обстоянии, тебе прибегающе, с надеждою просим: помолися, благая небошественнице, дабы исправилися стопы наша по словеси Господню к деланию заповедей Его, и да упразднится богоборное безбожие, пленившее град твой и страну твою, повергающее нас, многогрешных, в смертное братоненавидение, гордое самовозбешение и хульное отчаяние. О, блаженнейшая Христа ради, посрамившая суемудрость века сего, испроси у Творца и Подателя всяческих благ даровати нам смирения, кротости и любве в сокровище сердца нашего, веры в укрепление молитвы, надежды в покаянии, крепости в многотрудном житии, милосерднаго исцеления души и тела нашего, целомудрия в супружестве и благопопечения о ближних и искренних своих, всего жития нашего обновление в чистительней бане покаяния, яко да

всехвально воспевающе память твою, прославим в тебе чудодействующаго Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную во веки веков. Аминь.

Молитва третья

О преславная святая блаженная мати наша Ксение, теплая о нас пред Богом молитвеннице! Якоже прежде к надгробию твоему припадавшии, сице ныне и мы по прославлении твоем к мощем твоим прибегающе, просим: помолися Господу, да освятит наши души и телеса, да просветит ум, очистит совесть от всякия скверны, нечистых помыслов, лукавых и хульных умышлений и от всякаго превозношения, гордости же и кичения, высокоумия же и дерзости, от всякаго фарисейскаго лицемерия и от всякаго студнаго и лукаваго обычия нашего; да дарует нам искреннее покаяние, сокрушение сердец наших, смиренномудрие, кротость же и тихость, благоговение, разум же духовный со всяким благоразумием и благодарением. Утаившая себе от мудрых века сего, но Богу знаемая, испроси же стране нашей Российстей от бед лютых избавление, всего нашего жития обновление и исправление, соблюди нас во всяком благочестивом православном исповедании веры христианския, яко да ублажающе тя сподобимся во вся дни воспевати, благодарити и славити Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную, Животворящую и Нераздельную во веки веков. Аминь.

Молитва четвертая

О святая угодница Божия блаженная Ксения! Призри милостиво твоим оком на нас, раб Божиих (имена), честной твоей иконе умильно молящиеся и просящие у тебе помощи и заступления. Простри ко Господу Богу нашему теплыя твоя молитвы и испроси душам нашим оставление прегрешений. Се бо мы сердцем сокрушенным, и духом смиренным тебе ходатаицу милостивую ко Владыце и молитвенницу за ны, грешныя, призываем, яко ты прияла еси от Него благодать молитися за ны и от бед избавляти. Тебе убо просим, не презри нас недостойных, молящихся тебе и твоей помощи требующих, и исходатайствуй всем вся ко спасению полезная, яко да твоими ко Господу Богу молитвами получивши благодать и милость прославим всех благих Источника и Дароподателя и Бога Единаго, в Троице Святей славимаго. Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.

Тропарь к святой блаженной Ксении Петербургской

Тропарь, *глас 7*

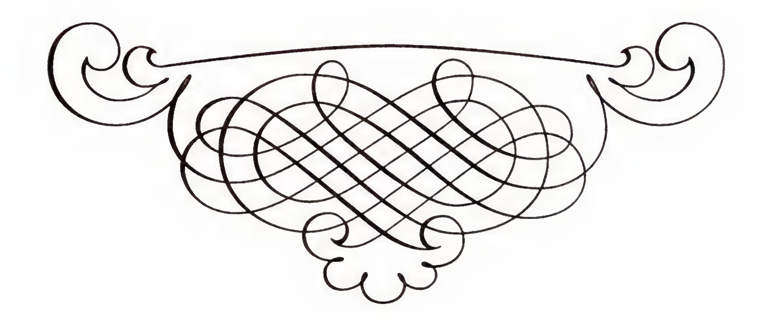
Нищету Христову возлюбивши, безсмертныя трапезы ныне наслаждаешися, безумием мнимым безумие мира обличивши, смирением крестным силу Божию восприяла еси. Сего ради дар чудодейственныя помощи стяжавшая, Ксение блаженная, моли Христа Бога избавитися нам от всякаго зла покаянием.

Кондак, *глас 3*

Днесь светло ликует град святаго Петра, яко множество скорбящих обретает утешение, на твоя молитвы надеющеся, Ксение всеблаженная, ты бо еси граду сему похвало и утверждение.

Величание

Величаем тя, святая блаженная мати наша Ксение, и чтим святую память твою, ты бо молиши за ны Христа Бога нашего.

КАНОН СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОЙ

читается в душевных невзгодах, в скорбях и напастях, во всякой семейной нужде

День памяти 24 января / 6 февраля

***Тропарь,** глас 7*

Нищету Христову возлюбивши, небесныя трапезы ныне наслаждаешися, безумием мнимым безумие мира обличивши, смирением крестным силу Божию восприяла еси, сего ради дар чудодейственныя помощи стяжавшая, Ксение блаженная, моли Христа Бога избавитися нам от всякаго зла покаянием.

Слава и ныне:

Яко нашего воскресения сокровище, на Тя надеющияся, Всепетая, от рова и глубины прегрешений возведи, Ты бо повинныя греху спасла еси, рождшая Спасение наше, Яже прежде рождества Дева, и в рождестве Дева, и по рождестве паки пребываеши Дева.

КАНОН, ГЛАС 4

Песнь 1

Ирмос: Тристаты крепкия, Рождейся от Девы, безстрастия во глубине души тричастное потопи, молюся, да Тебе, яко в тимпане, во умерщвлении телесе победное воспою пение.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Ксение блаженная, воистинну по имени твоему и житие твое бысть, на земли бо, яко во стране чуждей, преходящи и во Отечествие небесное преставитися чающи, вся земная, яко сень и соние, презрела еси.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Суету всяческую, яко прах от ногу твоею отрясши, жестоким путем в землю обетования шествовати изволила еси, Ксение мужемудренная, человекоубийцу врага, яко Амалика, побеждающи и Господеви победное пение приносящи.

Слава: Египетския котлы благоденствия презревши и миру кичливому посмеявшися, Ксение мудрая, моря житейскаго дно прешла еси неврежденно, Богу тя ведущу рукою крепкую, Емуже воспела еси победное пение.

И ныне: Ненадеющихся надеждо и боримых помоще, Пречистая, в мори сущих звездо боготечная, и в пустыни заблуждших источниче живоносный, отраду душам нашим, Дево благословенная, даждь.

Песнь 3

Ирмос: Не мудростию, и силою, и богатством хвалимся, но Тобою, Отчею Ипостасною Мудрос-

тию, Христе, несть бо свят паче Тебе, Человеколюбче.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Иоанна возлюбленнаго ученика Спасова, слышавши глаголюща: иже любит мир, в нем любве Отчия несть, мир грехолюбивый возненавидевши, в дом Отчий поспешала еси, Блаженная.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Юроду себе Христа ради сотворши, мудрости же премирныя исполняющися, оком чистым будущая, яко настоящая, прозревающи, пророком Божиим поревновала еси, Ксение богомудрая.

Слава: Молитва усердная пища тебе бысть, праведнице: ругания же и осмеяния, питие сладкое: смиренномудрие, одежда украшения: и венец, Духа осияние.

И ныне: Уста двизати на молитву, якоже мати Самуилова, никакоже обленимся, вернии, небесе и земли Царицу призывающи.

Седален, *глас 5*

Егда нощию молитвы твоя тайнолепно творящи, на снег колена твоя преклоняла еси, блаженная: душа твоя паче снега убеляшеся, слезы же, от теплоты сердечныя проливаемыя, землю согреваху, град твой спящий бдением твоим спасашеся, и гнев Божий от того отвращашеся. Ныне убо тебе от мира сего отшедшей, бедствуем люте: нощь несветла наста нам, огусте тьма греховная, сон лености и нерадения зеницы наша смежи: потщися убо на молитву и на помощь нам поспешай, Ксение, дерзновением велия.

Слава, и ныне:

Предстательнице и скорая Заступнице рода христианскаго, бездомных и отечествия лишенных Покровительнице, моли присно Сына Твоего и Бога с блаженною Ксениею за русския люди во отечествии и в разсеянии сущия, да Отечествия неотъемлемаго, небеснаго достигнем.

Песнь 4

Ирмос: Услышах славное смотрение Твое, Христе Боже, яко родился еси от Девы, да от лести избавиши зовущия: слава силе Твоей, Господи.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Женскую немощь отлагающи, Андреем нареклася еси, мужеумная противу духов злобы подвизающися, слава силе Твоей, к подающему ти силу взывающи.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Евино высокоумие, рай затворившее, отвергши всеконечно, богомудрая, юрода нарещися изволяеши, змия льстиваго посрамивши.

Слава: Ум Христов внутрьуду таящи, премудрая, мира мудрость попираеши, вразумляеши же люди, судьбы Божия предвозвещающи, и стопы наша на путь правый направляющи.

И ныне: Милосердие Твое к нам преклонити тщимся, Богородице, молитвенницу Тебе предлагающе Ксению блаженную, еяже предстательство стяжати уповаем, память ея тепле воспевающе.

Песнь 5

Ирмос: Стяжавый ны, избранныя люди, Кровию Твоею, Господи, Твой мир даждь нам, во единомыслии сохраняя стадо Твое.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Наготу и хлад терпящи, ризы же нищим раздающи, довлеет ми риза крещения, в себе взывала еси, блаженная.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Уврачуй наша раны, услыши молитвы, умири нашу жизнь и на помощь нам поспешай, Ксение благолюбивая.

Слава: Юные вразуми и на путь истины настави, старыя умудри и божественная разумети научи, всяко на дела благая их подвизающи, о Ксение, мудрость небесную стяжавшая.

И ныне: Печали отложше, восклонимся и горе воззрим, братие, и узрим в небесех Царицу Богородицу, покровом своим светоносным нас покрывающую.

Песнь 6

Ирмос: Внегда скорбети ми, возопих ко Господу, и услыша мя Бог спасения моего.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Окорми нас, в мори житейском бедствующих, блаженная, ко пристанищу благоотишному нас провождающи, и молящися ко Единому, иже нас спасти могущему.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Хотяще благая творити, злая содеваем. Заповеди Божия ведуще, о тех небрежем и согрешаем: помози нам немощным, Ксение благосердая.

Слава: Возопи о нас ко Господу, Емуже послужила еси, о Ксение, гласом крепким, якоже Моисей в пустыни, и услышит тя Бог, спасти хотяй человеки.

И ныне: Аще не Ты нам руце простреши, о Богомати, не имамы избыти погибельнаго рова, сего ради Ти зовем: Владычице, спаси ны.

Кондак, *глас 3*

На земли яко странна пребывши, о небеснем же Отечествии воздыхающи, юрода от буиих и неверных, премудра же и свята от верных познаваешися, и от Бога славою и честию венчаешися, Ксение мужеумная и богоумная, сего ради зовем ти: радуйся, яко по странствии земном в дому Отчем водворяешися.

Икос

Кто сия, во врата Царствия Небеснаго толкущая, еяже ризы белы, лице же сияет паче солнца; откуду приходит и яковых требует; сия есть дщи Отца Небеснаго, Сына Божия раба верная и Духа Святаго сосуд избранный, на земли яко странница пришельствовавшая. Ныне во Отечествие небесное преставляется, со тщанием убо сей двери отверзите и сретайте ю с веселием зовуще: радуйся, Ксение, яко по странствии земнем в дому Отчем водворяешися.

Песнь 7

Ирмос: Юноши три в Вавилоне, веление мучителево на буйство преложше, посреде пламене вопияху: благословен еси, Господи Боже отец наших.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Легкое бремя Христово на рамо твое вземши, вся тяжкая земная ни во чтоже вменяющи, блаженная, неудобоносимое камение на верх церковный преносила еси, усердно трудящися и зовущи: благословен еси Господи, Боже отец наших.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Алчем и жаждем и наготуем духовно: пищу сладкую твое наставление, даждь убо нам, блаженная, прохлади гортани наша росою молитв твоих о нас убогих, яко да Господеви благодарне зовем: благословен еси, Боже отец наших.

Слава: Мытарево грехолюбное житие подражающе, смиренномудрия того не стяжахом, паче же и фарисеевой гордости предахомся, добродетелей же не имуще, что убо сотворим немощнии, аще не к тебе, Ксение, прибегнем и возопиим: умоли о нас Бога отец наших.

И ныне: Иныя несть во вселенней, якоже Ты, Богородице, яже матернее дерзновение ко Спасу имущая, и ангелы преславною чистотою превозшедшая: темже Ти припадаем, Владычице, моли о нас присно Бога отец наших.

Песнь 8

Ирмос: Всяческая, Владыко, премудростию Твоею составил еси, земли же паки утвердил еси, якоже веси, дно, основанием водрузивый на водах безмерных. Тем вси вопием, воспевающе: благословите, дела Господня, непрестанно Господа.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Помощница нам буди, блаженная, изымающи нас от скорбей и болезней, от соблазнов же, нестроений и бед, и желания сердец наших во благо исполни, яко да о тебе Бога благодаряще, вопием: благословите, дела Господня, непрестанно Господа. (*Дважды*).

Слава: Чада твоя есмы, о Ксение блаженная, не остави нас сирых, но на помощь к нам прииди. Не забуди о славе твоей пекущихся, но радованием им воздаждь, да вси согласно поем: благословите, дела Господня, непрестанно Господа.

И ныне: Имя Твое пресладкое и мироуханное да не отходит от уст наших, Богородице, сердца же наша любовию божественною горяща всю тварь да приглашают вопити: благословите, дела Господня, непрестанно Матерь Божию.

Песнь 9

Ирмос: Тя, Преславную Невесту и Всесвятую Богородицу, Зиждителя рождшую невидимых же и всех видимых, песньми величаем.

Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

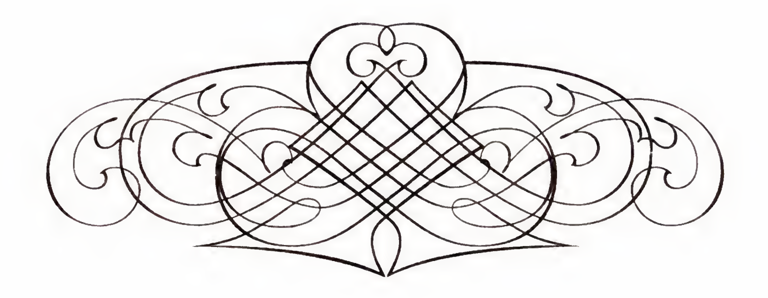
Тайнолепная жития твоего и подвизи твои сокровеннии ныне миру явишася, Ксение блаженная, темже о тебе веселящеся, Христа Бога, тебе прославльшаго, немолчно величаем.

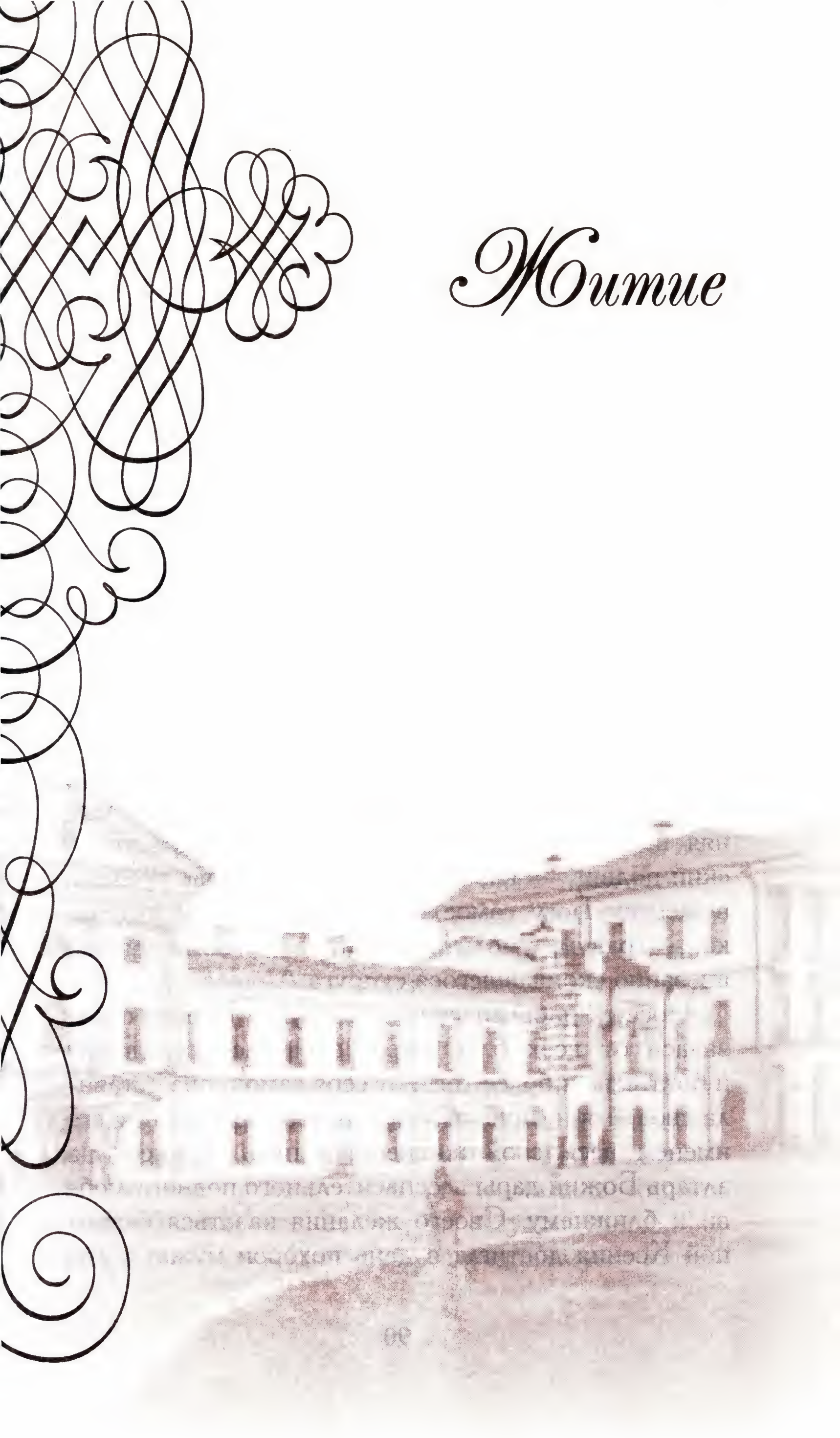
Святая блаженная Ксение, моли Бога о нас.

Аще и преставилася еси от земных, обаче ведуще тя и по смерти нам спребывающую и молитвами твоими присно нас от бед покрывающу, благодарне тя, блаженная, величаем.

Слава: Еже о нас немощных и убогих попечение твое воспоминающе, с любовию к тебе припадаем, молитвеннице наша крепкая: не остави убо нас сирых, но присно нам помогай, яко да о тебе Бога и Отца Небеснаго присно величаем.

И ныне: Молитвы Ксении блаженныя к Тебе, Владычице, о нас приносимыя, к Сыну Твоему и Богу, Дево, принеси, Твоим матерним ходатайством тыя подкрепляющи, и спасай, Пречистая, Тя величающия.

Житие

Блаженная Ксения родилась между 1719 и 1730 годами, свой спасительный подвиг она несла в Петербурге. Мужем Ксении был певчий придворного хора Андрей Феодорович Петров, служивший в звании полковника. О детстве и юности блаженной ничего не известно, память народная сохранила лишь то, что связано с началом подвига юродства Ксении, — внезапную смерть мужа, умершего без христианского приготовления.

Потрясенная этим страшным событием, 26-летняя вдова решила начать труднейший христианский подвиг — казаться безумною, дабы, принеся в жертву Богу самое ценное, что есть у человека, — разум, умолить Создателя о помиловании внезапно скончавшегося супруга Андрея.

Посему, дабы спасти своего мужа, Ксения отказалась от всех благ мира, отреклась от звания и богатства и более того, от себя самой, она оставила свое имя и, приняв имя супруга, прошла под его именем весь свой жизненный путь, принеся на алтарь Божий дары всеспасительного подвига любви к ближнему. Своего желания казаться безумной Ксения достигла в день похорон мужа; когда

Андрея Федоровича повезли на кладбище, блаженная надела на себя его одежду: камзол, кафтан, штаны и картуз и в таком костюме пошла провожать гроб супруга.

Родственники мужа и знакомые Ксении весьма сожалели о ней, они думали, что смерть Андрея Феодоровича внезапным горем помрачила сознание молодой овдовевшей жены. Ксения же, как потерявшая рассудок, утешала их, говоря: «Андрей Феодорович не умер, но воплотился в меня, Ксению, которая давно умерла». «Не зовите меня больше Ксенией, но зовите меня Андреем Феодоровичем». С такими словами Ксения стала скитаться по улицам Петербурга, сообщая всем знавшим ее, что «Ксеньюшка моя скончалась и мирно почивает на кладбище, аз же грешный весь тут».

Блаженная Ксения раздала принадлежавшее ей имение и в одном только мужнином костюме вышла на улицу на свое подвижническое странствие. Теперь какого-либо определенного места жительства Ксения не имела. Так блаженная Ксения начала свой подвиг. Целыми днями она скиталась по улицам Петербурга, зимой и летом, в зной и стужу; подвергаясь всяким нападкам и насмешкам, она, непрестанно молясь, безропотно несла свой спасительный подвиг.

В это время началось строительство новой каменной церкви на Смоленском кладбище. Блаженная Ксения решила тайно по ночам помогать строителям, она целыми ночами поднимала кирпич и складывала его на лесах. Наутро приходили рабочие и очень удивлялись случившемуся. Нако-

нец они решили узнать, кто все же этот незримый помощник строительства. Оказалось, что этот тяжелый труд взяла на себя известная всей Петербургской стороне «безумная» Ксения.

Мало-помалу, к таким странностям блаженной привыкли, многие стали считать, что от помрачившейся умом можно ожидать чего угодно, однако некоторые наиболее чуткие христиане стали замечать, что Ксения какая-то не простая глупая побирушка, но в ней есть что-то особенное. Милостыню, которую ей предлагали, она брала не у каждого, но только у людей доброго сердечного расположения. Всегда беря только копейку, она тут же отдавала ее таким же бедным и нищим, как и она сама.

Особый дар блаженной Ксении состоял в устройстве семейного быта христиан. Матери детей были убеждены, что, если блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Посему они, завидя Ксению, спешили к ней со своими детьми, прося ее благословить или просто погладить их по голове. Своим великим смирением, подвигом духовной и телесной нищеты, любви к ближним и молитвою стяжала Ксения благодатный дар прозорливости. Этим своим даром многим она помогала в деле жизненного устройства и душевного спасения.

Юродивая Ксения в подвиге юродства подвизалась 45 лет; можно утверждать, что блаженная отошла ко Господу в самом начале XIX века; есть мнение, что Ксения преставилась около 1803 года. Погребена была святая угодница Божия на Смоленском кладбище Петербурга, где в свое время

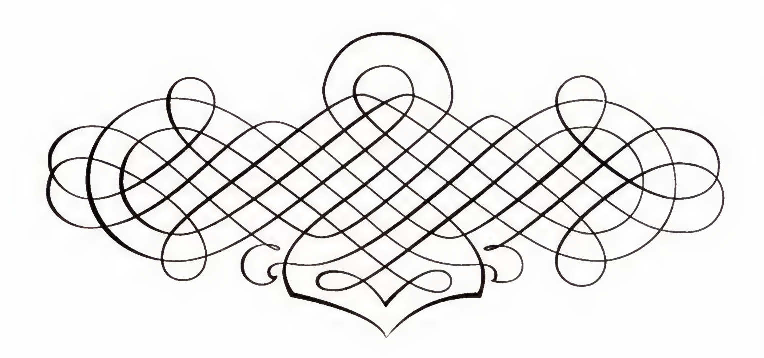

она помогала строить церковь в честь иконы Божией Матери, именуемой Смоленская.

Чудеса, творимые блаженной, не прекратились и после ее смерти. В первые же годы после ее кончины на могилу блаженной стало стекаться множество людей, которые часто брали после панихиды у ней землю с ее могилки в память о святой. Постепенно весь могильный холм оказался разобран, пришлось насыпать новый, но и этот был разобран. Тогда положили на могилу мраморную плиту; почитателей блаженной и это не остановило — плита разбивалась, и частицы ее разносились во все концы России.

В 1902 году над могилой блаженной Ксении была построена новая часовня с мраморным иконостасом и надгробием. Часовня была всегда открыта для совершения панихид; по свидетельству священников, нигде не служилось столько панихид, сколько на могиле блаженной Ксении.

Блаженная Ксения канонизована в 1988 г.

Содержание

Издательство «ЛЕПТА»
Тел. в Москве: (495) 638-51-60
E-mail: info@lepta-kniga.ru
Наш сайт: www.lepta-kniga.ru
Для писем: 129301, Москва, а/я 44

Высылается бесплатный каталог,
по которому можно заказать и получить
книги по почте в любом уголке России

**Все книги издательства «Лепта Книга»
в интернет-магазине**
www.ostrovknig.ru

Святая блаженная Ксения Петербургская

Ответственный за выпуск **Д. Болотина**
Редактор **О. Голосова**
Корректор **Т. Крастошевская**
Дизайнер **А. Чекмарева**
Компьютерная верстка **О. Букреева**

Подписано в печать 3.03.2010.
Формат 84 х 108/32. Печать офсетная.
Бумага газетная. Гарнитура «Академическая».
Объем 3 п.л. Тираж 10 000.
Заказ 3315

ООО Издательство «Лепта Книга»
125368, Москва, ул. Барышиха, д. 19

ООО «Бриз»
142704, МО, Ленинский р-н, д. Мамыри,
Калужское ш., д.4

Отпечатано в ОАО «Чеховский полиграфический комбинат»
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87

В основу этого сборника положена история русской святой XVIII века — Блаженной Ксении Петербургской. Именно жизнь святых — людей, сумевших победить в себе грех, — является маяком для каждого человека. На основе жития писательница И.Ордынская рассказывает о судьбе и духовном подвиге той, к кому уже третий век с надеждой и молитвой обращаются русские люди. Блаженной Ксении так же, как и нам, выпали горести и невзгоды, но они не только не сломили святую, как порою ломают нас — они заставили ее стать ближе к Богу и ближнему. Ее мужество, вера и духовная красота дарят нам понимание того, что замысел Божий о человеке — прекрасен, что у каждого из нас всегда есть выбор, каким быть... Повесть о блаженной Ксении — прекрасное чтение не только для взрослых, но и для детей и юношества.

Кроме повести «Блаженная», в книгу вошли краткое житие, акафист и канон св. блж. Ксении Петербургской.

